

A young woman with long, flowing blonde hair and a gentle smile is the central figure. She is wearing a dark, high-collared garment. In her hands, she holds an open, antique book with a worn, brown cover. The background is a dark, textured space filled with faint, glowing geometric lines, including a large pentagram. At the bottom of the cover, there is a vibrant, fiery orange and yellow flame effect. The overall mood is mystical and ethereal.

Ева Пик
Ника Маслова

Ведьма внутри меня

Ведьма внутри меня

Ева Пик и Ника Маслова

Ведьма внутри меня

«Автор»

2022

Ева Пик и Ника Маслова

Ведьма внутри меня / Ева Пик и Ника Маслова — «Автор»,
2022 — (Ведьма внутри меня)

Я в одиночной камере, среди крыс и полусгнившего сена, в длинном платье и со скованными руками. Всё тут ужасно, а я плачу от счастья, ведь снова могу ходить! Въевшаяся боль ушла из изломанного катастрофой тела, и лицо больше не изуродовано. Здесь именно так ужасно, как я это нарисовала, но внутри живёт уверенность, что весь этот кошмар — только начало чего-то большого, прекрасного, настоящего. Это мой второй шанс. Раз уж я попала сюда, постараюсь выбраться из переделки и найти своё счастье.

Содержание

Глава 1. Тюрьма	5
Глава 2. Человек в чёрном	7
Глава 3. Королевский приказ	9
Глава 4. Ставка на жизнь	11
Глава 5. В бочке с водой	14
Глава 6. Между отчаянием и надеждой	17
Глава 7. Лорнский источник	20
Глава 8. Колыбель жизни	24
Глава 9. Подмоченная репутация	26
Глава 10. О лесах и лисах	29
Глава 11. Мечты-фантазии	32
Глава 12. Вопросы этикета	35
Глава 13. Милый дом	39
Глава 14. Новая жизнь	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ева Пик и Ника Маслова

Ведьма внутри меня

Глава 1. Тюрьма

Вонь тут стояла ужасная, кандалы стёрли кожу на лодыжках и запястьях, ни еды, ни воды заключённым, похоже, не полагалось, но я стояла на своих ногах, и это всё искупало. Гнилое сено и это длинное потрёпанное платье. И даже крыс. И нарисованную собственной кровью пентаграмму на полу – в происхождении темнеющей красной краски я ну нисколько не сомневалась.

Да, антисанитария тут, конечно, ужасная, крысы и мыши – мерзкие, но всё искупал один факт – я стояла, ноги мне подчинялись. Из тела ушла скованность, привычная, въевшаяся в душу боль, от которой я спасалась, принимая таблетки горстями. Я стояла! Могла ходить! Пусть и несколько шагов, пусть и по ужасающе грязной камере, но только тот, кто пережил случившееся со мной, мог понять до конца, как ценна возможность владеть своим телом, быть здоровым, а не тем осколком катастрофы, на кого обычные люди не могут взглянуть без – поверьте, унижающей, оскорбляющей – жалости.

Инвалидное кресло, рабочий стол, заваленный бумагами, кистями, карандашами, небольшая, но уютная комната исчезли, вместо них – раз, и появились эти каменные стены, и грязный пол с пентаграммой, и крысы, и прочие прелести, которые я рисовала уже несколько дней, добиваясь той живости и точности, которую требовал у меня заказчик. Сначала я не могла в это поверить. Кричала. Прыгала от радости, звенела цепями. Зацепившись за что-то – упала, но и лёжа на сене, смеялась до слёз.

Наверное, я вела себя будто сумасшедшая. Но такую меня видели только крысы и мыши, так что ладно. Я всё ощупывала своё лицо, тело и ноги – такие живые, подвижные. Я едва могла поверить в случившуюся со мной перемену. Но верила. Ох, не слишком сложно поверить тому, что ощущаешь собственным телом. Ещё легче поверить тому, во что так хочется верить.

Здесь негде было себя рассмотреть, но руки были мои, лицо ощущалось знакомым – своим. Забытым, но правильным, а не тем, которое я видела в зеркале последние пять лет. Вернее, не видела – старалась в зеркала не смотреть. Отражения в них пугали.

Сидя в вонючей камере, я плакала от счастья. Конечно, моё положение не из завидных. Проснуться в спальне принцессы было бы куда как приятней. Но я всё равно благодарила судьбу, высшие силы, милосердного бога за то, что получила.

Моя новая – здоровая – жизнь могла скоро прерваться. Само нахождение в тюрьме намекало, что дела мои плохи. Но за одну лишь возможность подняться на ноги, вновь ощутить себя человеком я была до слёз благодарна. Я плакала, когда раздался скрежет замков.

Дверь заскрипела – я смотрела на неё, медленно открывающуюся, с надеждой. Ведь мне могло повезти. За дверью могло оказаться спасение, ровно как и наказание за преступления, которых я не совершала.

Ну же, судьба, ты ведь уже постаралась, подарив мне второй шанс. Так будь уже щедрой по-настоящему – дай мне его применить.

В камеру вошли люди. Большая часть, похоже, солдаты – с простыми не улыбкающими лицами, в одинаковой тёмной форме, с оружием – клинками у пояса и чем-то непонятным, какими-то трубками. Несколько в руках держали светильники, похожие на газовые фонари. Белый огонь высветил всю убогость окружающей обстановки – и полное отсутствие жалости, хоть капли сочувствия на лицах вошедших.

С солдатами пришли двое важных господ. Их одежда казалась роскошной – сюртуки с вышивкой, шёлковые платки, начищенные сапоги и прочее в том же духе. Если бы мне заказали нарисовать знатного лорда без привязки к конкретной культуре и времени, то я бы, скорее всего, изобразила бы его в похожем наряде. Выглядели оба весьма впечатляюще – и совершенно чужеродно этой грязной тюрьме.

– Вы собираетесь вставать, Майри? – произнёс один из них недовольным тоном – высокий темноволосый человек с неприятным пронзительным взглядом. – Встаньте немедленно. Или вы ослепли? Перед вами дядя короля, принц Антуан.

О, теперь я знала своё имя. Майя Белохвостикова стала Майри. Надолго ли – главный вопрос.

Я встала. Не хотелось испытывать на себе грубость этих людей, проверять границы того, что они могут сделать с незащищенной женщиной.

Принц – мужчина под сорок, плотного телосложения – негромко поинтересовался:

– Так эта женщина пыталась лишиться плода Минерву?

– Да, мой принц. Дознаватели отработали, и она во всём созналась. Несомненно, это её вина, что королева вновь потеряла дитя.

– И как именно ведьма это совершила? – спросил принц и обратился ко мне: – Вы признаёте вину? Расскажите, что вы сделали, как именно вам удалось навредить королеве?

Судьба предоставила мне шанс и жестоко отбирала его. Что я могла? Но если не зацепиться за жизнь хотя бы кончиком когтя – она закончится, не начавшись.

– Прошу меня извинить, но перенесённые пытки лишили меня памяти. Возможно, когда-то я вспомню, но сейчас ничего не могу рассказать. Мне жаль, но сейчас я не смогу удовлетворить ваше любопытство.

– Пытки? – спросил принц, приподняв брови, и его спутник поспешил сказать:

– Она лжёт, Ваше Высочество. К Майри отнеслись соответственно её высокому положению. Её всего лишь погрузили в бочку с водой и окунали в неё с головой, когда она замолкала. Святая вода развязала ей язык намного быстрее любых приспособлений, причиняющих боль. Пар стоял, так её ведьмовская кожа горела. Майри – несомненно, ведьма, и она виновата.

– А что книга? Она ведь была у неё?

– Найдена именно там, где она указала, и уже сожжена.

Принц кивнул, но нельзя было не заметить, что сожжение колдовской книги его не обрадовало. Он оглядывался по сторонам, притворная рассеянность и скука исчезли с его лица, взгляд стал хищным.

Вдруг тонкая улыбка скользнула по его губам.

– Тогда что это тут на полу? – Принц отбросил концом трости сено, прикрывающее кровавую пентаграмму. – Говорите, маркиз, книга ведьмы сожжена? Может, ещё скажете, что она по памяти нарисовала здесь это?

Глава 2. Человек в чёрном

Реакция на обнаруженную принцем пентаграмму оказалась более бурной, чем я могла ожидать. Суровые воины, все как один принялись показывать знаки руками – я бы сказала: в испуге креститься, но выглядело это иначе. Они соединяли все пять пальцев, кое-кто и на обеих руках сразу, и делали ими такое движение, будто пытались отбросить от себя что-то невидимое. Маркиз же и вовсе праздновал труса: едва не упав, то ли отпрыгнул, то ли отшатнулся от места, где стоял – у самого края прикрытой сеном пентаграммы. Надутая важность и самодовольство в один миг исчезли с лица с комично округлившимися глазами. Что интересно: и маркиз, и его люди будто боялись смотреть вниз, словно линии, точки и завитки, образующие сложный узор, могли навредить им одним своим видом.

Принц единственный сохранял хладнокровие. Концом трости он вернул сено на место.

– Немедленно уничтожьте это! – выкрикнул маркиз.

Его приказание выполнять не спешили, и он схватил за плечо одного из стоявших поблизости мужчин и толкнул вперёд.

– Выполняйте! Немедленно!

Выбранный им бедолага едва ли не позеленел, но гнева маркиза, видно, боялся немного больше рисунка на грязных камнях. О, какое же у этого немолодого мужчины стало испуганное лицо. Он топтался по соломе, мешая изображение из крови с грязью, «танцевал», вытирая пол сапогами. Света от фонарей хватало, чтобы видеть выступившую на его лбу испарину. Взгляды, которые он бросал на меня – вниз, кажется, ни разу не глянул – наполняла чистая, беспримесная ненависть.

Он боялся меня. Они все боялись меня. До чего же непривычная мысль, но сомневаться в догадке не приходилось.

Странное чувство охватило меня. До сих пор мне не доводилось вызывать у других людей страх, может, только если страх оказаться на моём жалком месте. Теперь же всеми этими мужчинами, вооружёнными, наделёнными властью, я воспринималась настоящей угрозой.

Маркиз брызгал слюной, требуя поторапливаться, отдавал приказы – немедленно позвать дознавателей и тюремщиков. Один принц стоял посреди этого хаоса с ленивой улыбочкой сознающего своё превосходство человека. Но остальные равнодушными не притворялись.

Плохо дело. Страх делает людей жестокими, агрессивными. Лучше б они не боялись меня, а жалели. Знала бы заранее, что всё так сложится, сама бы стёрла пентаграмму с камней. Но я лишь забросала её гнилым сеном – не хотелось, знаете ли, то и дело наткаться глазами на кровь. И вот что из этого получилось. Но кто же мог знать! Вот же чёрт.

Страх на их лицах чертовски пугал. Даже принц лишь строил из себя хладнокровного стоика. Я видела, он, как и другие, сложил пальцы в защитный знак. Только сделал это скрытно, держа ладонь у бедра. Наши взгляды встретились, и я первая отвернулась.

Увы, они, даже принц, боялись меня так же сильно, как и эту пентаграмму. И с той же лёгкостью могли стереть с лица земли. Пара ударов этими страшными сапогами с обитыми железом носами, и всё, вторая жизнь Майи-Майри закончится, не начавшись. Они не схватили меня и не пытали лишь потому, что я стояла на другой стороне тщательно стираемой пентаграммы. Но от рисунка уже осталась не больше чем треть.

Ну же. Думай! Что теперь делать?

Я могла сослаться на потерянную память, но кто мне поверит? Дознаватель скоро придёт. И потом меня, ха-ха, в качестве привилегии для важных особ «всего лишь» с головой погрузят в бочку с водой – и святая она или чёрная, словно нефть, дышать под ней я всё равно не смогу. Расскажу всё, что они захотят, возьму на себя и прерванную беременность неизвестной мне королевы, и убийство Кеннеди, да что угодно, любое преступление в любом из миров.

И как назло на ум ничего не шло. Кричать им, что это не я и вообще не из этого мира? Такой себе план, гарантированно обеспечивающий костёр. Они же ведьм сжигают, да? Вряд ли придумали что-то другое.

Та-ак, ладно. Об этом я подумаю, когда меня на костёр поведут. А сейчас стоит ещё раз рассмотреть все имеющиеся варианты.

Первый – я ничего не помню.

Второй – это не я, я вообще тут случайно, из другого мира попала.

И... Ну что же ещё? Я – великая ведьма и прокляну вас всех до седьмого колена? А как я это сделаю? Ну... пошлю вас всех и по бабушке, и по маменьке, и трёхэтажным – может, подействует.

Увы, из ведьмовского искусства всё, что я могла – даже с закрытыми глазами повторить каждую линию пентаграммы. Ещё бы – она точно совпадала с той, которую я рисовала и перерисовывала, получая от заказчика отказ за отказом от принятия и так превосходно выполненной работы. Он хотел точности, каждой точки, каждого завитка на своём месте, да ещё и последовательность в рисовке требовал соблюдать – те части, которые потемней, я должна была рисовать первыми. Ну, он так объяснял, забрасывая мой ящик электронными письмами с кучей инструкций и требований. Я делала так, как считала нужным. А когда он отказался принять работу в десятый, наверное, раз, хотела вернуть ему деньги – но он перечислил ещё, причём заплатил за каждый черновик как за принятую работу, так что отказываться в моих, мягко говоря, стеснённых обстоятельствах стало глупо. Любкой каприз за ваши деньги, как говорится. Да он и требовал лишь одного – точно выполнять его указания.

Вот и выполнила – на свою голову! А так могла бы, как и всегда, сидеть дома, в инвалидном кресле, не таком уж по правде и неудобном, но осточертевшем до ужаса, заниматься любимой работой, и... Нет. Не хочу я туда даже сейчас. Уж лучше утопиться в бочке с водой.

В своё время я не смогла решить всё окончательно с изуродованной жизнью, побоялась взять грех на душу, пусть и не верила ни в бога, ни в дьявола. А решиться всё-таки не смогла, терпела боль, неподъёмные ноги и Франкенштейна в зеркале пять проклятых лет. И теперь вернуться назад – нет, нет и ещё раз нет. Даже если бы предложили, я бы сказала нет. Но ведь и предлагать мне вернуться домой было некому.

Вот и ладно. Способ закончить со всем этим адом помимо моей воли нашёлся. Можно и за это сказать спасибо судьбе. Не хочу я назад в безногую жизнь. Постояв на здоровых ногах, вспомнив, как это – быть человеком, нет, не хочу. Лучше сдохнуть.

А ещё лучше – выкрутиться, хоть как-то, любой ложью, чем угодно, любой ценой. Мне терять нечего.

Я не изменила решения, даже когда открылась дверь, и внутрь и так забитой людьми камеры вошёл человек в чёрном. От одного его вида – взгляда-кинжала – мне стало плохо.

Я видела его первый раз в жизни. Чёрные волосы до плеч, прямые густые брови, лёгкая синевка на щеках, жёсткая линия губ, уверенный подбородок, ровный нос, глаза... Избитое сравнение, да, но глаза у него – будто портал в ад, настоящая бездна. Никогда не встречала человека с настолько тяжёлым взглядом. Он всего лишь посмотрел на меня, и всё – я сама не своя. Живот скрутило спазмом, меня словно ударило в грудь, и я осела на пол, будто мои ноги в один миг превратились в рыбий хвост, а сама я – хватающая воздух открытым ртом – тоже превратилась в выброшенную на берег рыбу.

У меня даже уши заложило. Они обменивались приветствиями, а я была совершенно оглушена, не слышала ни слова, лишь видела движение губ и этот взгляд – возвращающийся ко мне, не отпускающий, препарирующий душу.

Он пришёл сюда из-за меня, по мою душу. Я видела его первый раз в жизни, но нутром знала: этот человек – мой худший враг.

Глава 3. Королевский приказ

Мужчина в чёрном повернулся к принцу, поклонился ему – и я вновь смогла дышать. Звуки тоже вернулись.

– Дэбрэ. Чуть помягче с ней, нам нужно, чтобы она могла говорить, – сказал принц.

– Дознание проведено. Подробный отчёт я сам отправил в королевскую канцелярию. Что ещё она может сказать, чего мы не знаем? – голос мужчины соответствовал его взгляду. Холодный, морозно спокойный. Он говорил с принцем как равный, не тушевался, не мямлил, как тот же маркиз.

Этот человек – дознаватель. Ну разумеется. Я ещё не видела его за работой, но знала – у него природный талант. Его внешность и голос, и поведение, и та непонятная сила – его словно специально создали для этой работы, если пытки и жестокость можно так называть. В такие места люди устраиваются не ради денег, а чтобы удовлетворить что-то злое в душе.

Умолять его о милосердии – нет, можно сразу вычеркнуть этот пункт из списка вариантов спасения.

– Да, я видел ваш отчёт о преступнице-одиночке. Но здесь, на полу, почему-то нашёл пентаграмму, – скучающим тоном сообщил принц Антуан.

Дознаватель вновь бросил на меня взгляд, но кроме страха я не почувствовала ничего. Видно, сейчас он не использовал ту неизвестную силу, которая только что едва не вышибла из меня дух.

– Она сохранилась?

– Уничтожена. Но была тут, все это видели. Нарисована кровью, – сказал маркиз. Он вернул себе напыщенный вид, но покрасневшие кончики ушей выдавали нервозность.

– Ведьма не может рисовать по памяти, – сказал дознаватель. – Для колдовства ей нужна книга.

– Та самая, которую вы якобы нашли и сожгли?

– Вы в чём-то обвиняете меня, мой принц? – голос Дэбрэ стал ещё холоднее.

– Только в том, что вас наверняка обманули. Настоящую книгу она от вас утаила. Вот доказательства, – принц указал на пол перед собой, старательно вытертый сапогами и выглядящий ещё грязней и ужасней, чем прежде. – Поэтому мы и вызвали вас, как только увидели непотребство.

– Я получил приказ явиться сюда час назад.

– Это верно. Боги нам благоволят, соединяя пути нужных лиц в одном месте. – Принц достал кружевной платок, тщательно вытер руки. – Завтра ведьму казнят, как и объявлено, а до тех пор – делайте, что хотите, но добудьте мне её настоящую книгу и имена сообщников. Очевидно же, что кто-то сюда книгу принёс. Имена, Дэбрэ, и книга – вот, что я жду получить от вас уже утром.

«Завтра ведьму казнят». Он произнёс это с такой уверенностью, окончательностью вынесенного приговора. Для него я уже была мертва, он говорил обо мне словно о вещи, без капли жалости – он, скучая, лениво, обсуждал мою смерть.

– Зачем вам ведьмовская книга, мой принц? – бесстрастно поинтересовался Дэбрэ.

Маркиз нервно огладил шейный платок, и я затаила дыхание. Надежда – как огонёк свечи на ветру – металась между этими людьми, пытаясь увидеть хоть в ком-то путь к спасению. Конфликт между ними, любой, давал мне призрачный шанс зацепиться за жизнь.

Принц Антуан предпочёл не заметить едва скрытую угрозу в прозвучавшем вопросе.

– Разумеется, для того чтобы помочь бедной Минерве. Для чего же ещё?

– И как это возможно сделать с помощью книги проклятий? – спросил Дэбрэ тем же тоном.

Принц улыбнулся.

– Хороший вопрос. Я отвечу на него, начав издалека. Леди Майри – дебютантка прошлого сезона, вошла в свиту королевы всего полгода назад, насколько я в курсе. Королева же не может доносить наследника уже лет пять. Вы ведь помните, скольких она потеряла? Дэбрэ, что вы скажете мне, объединив эти факты?

– Ничего. Я работаю с доказательствами. Домыслы – не мой путь.

– Недостаток фантазии весьма вам вредит, Дэбрэ. Ну же, приложите старание. Сейчас Минерве навредила Майри – как вы выяснили, и я верю, что вы хорошо проделали свою работу. Но согласитесь – вы выполнили её не до конца. Очевидно, что кто-то колдовал до Майри, кто-то из дам, может быть, из самых близких наперсниц. Я хочу увидеть книгу ведьмы, пролистать её, возможно, найти в ней чужие следы. Думаю, мы имеем дело не с одним врагом. У Майри могли быть сообщники, и пусть она вам не призналась...

Дэбрэ гордо вскинул голову, и принц решил отойти от раздражающей дознавателя темы, сказав:

– Ладно-ладно, поверю, что вырвать признание у неё было невозможно. Но теперь-то сообщники у неё точно есть. Это очевидно, доказательство вот, на полу – ей принесли сюда книгу. А до того у неё точно были предшественники, вернее, предшественницы. С помощью ведьмовской книги мы сможем их найти, если нам повезёт, разумеется. Так что приложите старание, Дэбрэ. Книга и имена – вот, что нам нужно. Можете не деликатничать. Поступайте с этой женщиной так, как вам велит долг перед короной. О других правилах я вам разрешаю забыть.

Дэбрэ выслушал всё это молча, ответил предельно коротко и, даже на мой взгляд, грубо:

– Вы не вправе отдавать мне приказы, мой принц.

– Верно. Но мой драгоценный племянник имеет полное право. Хоть кожу с неё живой сдирайте, но найдите книгу и добудьте имена тех врагов короны, кто до Майри колдовал о бесплодии королевы. Держите приказ, – принц протянул дознавателю свернутую бумагу.

Кажется, судьба что в том мире, что в этом была ко мне особенно несправедлива. Ведьма не зря сбежала из своего тела, отправив меня сюда вместо себя. Куда, как, правы ли мои предположения – не имело значения. Важно, что платить по проигранным ставкам придётся именно мне.

Перед уходом принц Антуан повернулся ко мне. Наши взгляды встретились и...

По приказу дознавателя ко мне приблизилось двое солдат, подняли меня на ноги и поволокли к выходу. Наверное, мне стоило бы кричать, умолять о пощаде – но ведь бесполезно. Я старалась идти сама и всё думала о выражении лица принца. В его взгляде я прочитала обещание. Но чего?

Безнадёжная ситуация, но как же мне хотелось выбраться из неё. Всего один взгляд, который я могла неправильно прочитать, но он подарил мне надежду. Я хваталась не за соломинку, а даже за её призрак. И пока я это делала, солдаты тащили меня в дознавательскую – пытаться.

Глава 4. Ставка на жизнь

Удивительно, о каких глупых и совершенно неважных вещах думается в такие моменты. Моя жизнь висела на волоске, а я размышляла о том, что, рисуя в воображении средневековую тюрьму, почти во всём угадала. Лишь вместо горящих факелов на стенах кажущегося бесконечным коридора висели фонари. Белый свет щедро лил из них, освещая каждый камень и трещинку кладки. Заключённых пытали грязью и вонью, а в коридорах даже пол сиял чистой. Здесь и пахло иначе, не свежестью альпийских лугов, но в разы лучше, чем там, в душевной камере.

Говорят, перед смертью не надышишься, но я пыталась изо всех сил – пила относительно чистый воздух большими глотками.

Время двигалось странно, как будто рывками: то как всегда, то всё вдруг до крайности замедлялось. Если уж я смотрела на каменный пол, то видела каждую выщерблину, узор и крапинку каждого камня. Или светильники – один буквально врезался в память. Я могла бы нарисовать каждый завиток ковки на нём и даже скол стекла в уголке, и то, как красиво мерцал внутри снежно-белый свет – будто живой огонь, только холодный. Ну и, конечно, особую любовь моих глаз завоевал длинный чёрный плащ идущего впереди Дэбрэ. Развевающаяся плотная ткань временами выглядела, будто я смотрела в формате 3D рекламу исторического блокбастера – на все сто залипательное зрелище в настолько замедленной съёмке.

Похоже, у меня крыша ехала. Ту-ту и со свистом. Но сделать с этим я ничего не могла. Даже идти сама не могла – меня под руки держали. Сначала я старалась поспевать за солдатами, но теперь, когда коридор вдруг закончился тупиком с глухой чёрной дверью, не волоки меня эти люди – я бы упала. И вряд ли бы сама поднялась, такая слабость вдруг охватила всё тело.

От вида этой чёрной двери я буквально лишилась всех сил.

Дэбрэ подошёл к ней первым. Раздался звук поворачиваемого в замке ключа – и дрожь прошла по моему телу. Дознатель распахнул дверь и встал рядом с ней, будто привратник. До порога мне оставались считанные шаги.

Соппротивление бесполезно – да, умом я это знала, но инстинкты криком кричали: беги. Как же я боялась этой комнаты, пусть и никогда здесь не была. Но тело, похоже, помнило пытки и изо всех вдруг проснувшихся сил сопротивлялось повторению боли. Я птицей в силках задёргалась в руках ведущих меня мужчин. Они этого не ждали, и возникла заминка.

– Поторапливайтесь, – приказал Дэбрэ. – Или не можете справиться с ней?

Солдаты дотащили меня до порога и втокнули внутрь, несмотря на яростное сопротивление. Я не устояла на ногах, упала на одно колено, но тотчас вскочила, осматриваясь по сторонам, выглядывая опасность.

Пустой стол, стулья, книжный шкаф, большая деревянная бочка и вёдра – вот и всё, что тут было. А ещё окно – маленькое, узкое, забранное решёткой, так что даже крупный кот не смог бы сбежать. Единственный выход – чёрная дверь, та самая, у которой сейчас стоял Дэбрэ и его люди.

Мне не избежать пытки. Тело это знало, и его трясло.

Совсем недавно я плакала от счастья потому, что могу стоять. Думала, что вернуться в прежнее состояние – ужас больший, чем смерть. А сейчас дрожала, как загнанное в угол животное, и не видела выхода. Ничего страшного со мной ещё не происходило, и пыточных приспособлений я тут не видела, а тело облил холодный пот.

Дэбрэ дал знак, и его люди ушли. Дверь за ними закрылась, и мы остались наедине.

– Вижу, вам не нравится здесь. Плохие воспоминания?

О, он ещё и издевался надо мной.

Дэбрэ, несомненно, ужасный человек. От одного его голоса мурашки пошли по коже.

– Вновь оказаться здесь – это ваш выбор, Майри. Я с вами закончил, но вам, видно, показалось мало. Желаете повторения? Или ощущений поострей? Прошлого раза вам не хватило?

Он смотрел на меня как на врага. Тон, взгляд, слова – всё наполняла издёвка. От него всего меня – моё тело – трясло мелкой дрожью.

Ну я и попала.

Майя, давай, соберись! Иначе погибнешь, если будешь так истерить. Или тебе не приходилось бороться с неподатливым телом? Или ты боли не знала? Давай. На кону твоя жизнь!

Если бы я всё ещё сидела в инвалидной коляске, то сдалась бы без боя. Но я стояла на ногах, чувствовала их, даже в этот миг наслаждалась свободой движения и отсутствием боли. Вьёвшийся в тело страх не мешал мне хотеть жить, наоборот, это желание стало по-животному сильным.

Дэбрэ неприятно улыбнулся.

– Я даже буду добр к вам. Вы сможете вернуться назад, в свою камеру, если скажете мне, где книга и кто ваш сообщник. Ну, говорите. Я обещаю поверить вам на слово, и мы обойдёмся без криков и слёз.

Я молчала. Да и что я могла говорить? Наверное, и хорошо, что я тут никого не знала. Не будет соблазна обвинить невинного.

– Не стесняйтесь, Майри. Смотрите, здесь только мы. Вы смело можете сказать мне всё, что вам поручил сказать принц, и избежать пытки. Чьё имя вам приказали назвать? Баронессы Альбской? Виконтессы Брамон? Или сестры Катарины? – к концу небольшой речи Дэбрэ почти шептал, его тёмные блестящие глаза пугали.

Ого. А они тут знают толк в играх. Дэбрэ, очевидно, считал, что пентаграмма на полу и принц с обвинениями появились в камере Майри накануне её казни не просто так.

И что мне со всем этим делать? Обвинять кого-то из незнакомых людей или принца? Эх. Ну вот зачем Дэбрэ вообще называл имена?

Нет-нет, оказаться на моём месте я бы и врагу не пожелала. Не могла я ничего об этих людях соврать.

Чёрт-чёрт-чёрт. Всё шло к тому, что моим единственным выбором станет «не помню, не знаю». Когда-нибудь дознаватель мне, конечно, поверит, но цена его веры может оказаться неподъёмно высокой.

У меня горло сохло, я хрипела, когда говорила:

– Я не знаю никого из названных вами людей. Впервые слышу их имена.

– Да? Даже с названной сестрой не знакомы? – Дэбрэ зло усмехнулся.

Я отступила на шаг. Его ненависть было тяжело выносить, она, словно кольца удава, душила.

– Мне нечего вам сказать. Я не знаю этих людей, я ничего не помню.

– Какой глупый выбор, Майри. – Дэбрэ покачал головой. – Что же такого вам пообещал принц? Ума не приложу, чем он мог купить приговорённую к смерти. Вас не помилуют, это невозможно. Вы ведь умная девушка. Верить принцу Антуану не стала бы даже торговка на рынке. Что бы он вам ни сказал – вас ждёт смерть. Вы могли бы упростить себе жизнь, её оставшиеся часы. Ну же, Майри, признайтесь, будьте благоразумны.

Ну же, Майя, давай: «Принц Антуан приказал мне обвинить герцогиню Бомон... Или графиню? И Бомон ли? Вот чёрт». Имена, названные Дэбрэ, будто кто-то влажной тряпкой стёр из памяти – начисто.

Но, может, оно и к лучшему. Обвини я принца, это не отменит казнь и ничего для меня не изменит. Да и вообще, начти лгать, тебя выведут на чистую воду, а потом ни за что не поверят ничему, что бы ты ни сказала.

– Я не знаю названных вами людей, дознаватель. Если честно, то я уже успела забыть их имена. Я говорю чистую правду.

Ну вот, я это сказала. Сделала самую глупую ставку на жизнь.

Глава 5. В бочке с водой

Дэбрэ долго смотрел на меня, склонив голову к плечу, будто пёс, увидевший нечто удивительное. Наконец он сказал:

– Какая невероятная преданность и столь же невероятная глупость. Но это ваш выбор, Майри. – Он рукой указал на что-то позади меня. – Тогда прошу. Что же вы стоите? Вы знаете, что вам делать.

Я даже не шелохнулась.

– Я не знаю, что вы хотите от меня, дознаватель Дэбрэ. Я не помню, что здесь со мной происходило. И о своих предполагаемых преступлениях тоже не помню. Из-за пыток, которым вы меня подвергали, я даже своё имя забыла.

Он усмехнулся. Его лицо обладало выразительностью и гармонией черт, пусть и не могло считаться красивым в классическом понимании. Хотя... Присмотревшись к нему, человек без предубеждений назвал бы его привлекательным мужчиной. Похоже, это тот случай, когда природу портит характер. Жестокая ухмылка и холод в глазах уродовали внешность Дэбрэ. Мама много раз говорила, что с лица мужчины воду не пить. Только вот это лицо превратило бы даже святую воду в отраву.

Дэбрэ был мне неприятен. Его слова, тон, выражение лица – всё отталкивало.

– Игры в забывчивость вам не помогут, Майри.

С ним хотелось спорить, его хотелось хоть как-то задеть. Его самоуверенность и апломб злили. Самые раздражающие люди на свете, по моему мнению, – те, кто считают себя во всём и всегда правыми.

– Игры в «вы сами должны знать» тоже не приведут к успеху, дознаватель. Я вас не понимаю. Поверьте мне, допустите хотя бы на время, что я говорю вам правду.

Дэбрэ поморщился, его взгляд стал пронзительным и до крайности неприятным.

– Хватит уже. Забирайтесь в бочку.

Я оглянулась: деревянная бочка не выглядела слишком высокой, плюс-минус мой рост, но залезть в неё вот так просто получилось бы, наверное, только у акробата. И даже прославленному циркачу помешали бы кандалы на руках и ногах и длинное пышное платье. Кстати, о нём.

– Что, прямо в платье?

Дэбрэ приподнял брови.

– А вы что же, хотите раздеться передо мной? Считаете, это вам как-то поможет?

Ухмылку с его лица захотелось содрать вместе с кожей.

– Я не о том. Как я, по-вашему, заберусь туда в таком виде? – Я протянула руки вперёд и развела их как могла широко, пока цепь не натянулась. Затем приподняла край платья и показала браслеты на лодыжках. Цепь между ними позволяла мне сделать шаг, но не больше.

– Даже не надейтесь. С вас их не снимут. – Дэбрэ вновь указал направление. – Идите уже. Там есть лестница, позади. И хватит уже этих игр. Вы ничего не измените, ваше притворство вас не спасёт.

Он не верил мне. Легче, наверное, пробить головой стену, чем его убедить. Страшно представить, какую боль мне предстоит испытать из-за его недоверчивой твердолобости.

Я махнула рукой. Ладно. В бочку, так в бочку. Раньше сядешь – раньше выйдешь, папа так говорил. Они с мамой коллекционировали пословицы и поговорки и... Чёрт, нельзя думать о них сейчас. Мне нужно быть сильной.

Ноги в сторону бочки отказывались идти – к ним словно привязали неподъёмные гири, но я справилась. Там и правда нашлась лесенка, и я поднялась по ней, гремя кандалами.

– Здесь вода, – сказала я, глядя вниз.

– А вы ждали увидеть там что-то другое, Майри?

«Кровь растерзанных вами младенцев», – ответ я приберегла при себе. Зачем его злить, когда он и так зол и, несомненно, выместит всё на мне. Разве я не знала таких, как он? Пользуется своим положением, чтобы унижать беззащитного человека. Ну и кто он после этого? Есть такое слово на букву «м», оно ему очень подходит. Когда ты не можешь ходить, таких «м» встречаешь немало, и не только мужчин. Иллюзий в отношении людей вообще остаётся немного.

Поверхность воды отразила моё лицо – о, так это и правда я. Волосы всклокочены, правда, и так грязны, что их льняной цвет не сразу поймёшь. Но в остальном я была рада увидеть себя такой, хоть и чумазой, но с гладкой кожей, здоровой – красивой. Я улыбнулась себе и помахала рукой. Цепь зазвенела.

На вид вода казалась чистой. Попробовала её сначала рукой – холодная. Ну ничего, воспаление лёгких мне не грозит, до завтра заболеть вряд ли успею. А если вдруг повезёт всё это пережить, то болеть буду потом, а значит, сейчас и волноваться об этом не стоит.

Я бросила взгляд на Дэбрэ. Он смотрел на меня, скрестив руки на груди. Лицо казалось бесстрастным, почти неживым.

– Залезайте внутрь, Майри.

– Сейчас. Подождите немного.

Я наклонилась и тщательно сполоснула ладони, наполнила их чистой водой. Уже вечность хотелось пить, но не то, что окажется в бочке после купания в ней в грязном платье, конечно. Вдоволь напившись, я осторожно села на край и опустила внутрь ноги – бррр, как холодно. Потом вечность путалась в длинном платье, в цепях, соединяющих браслеты, в общем, пришлось повозиться. Ноги у меня, разумеется, тоже оказались страшно грязны, так что я правильно сделала, что напилась сразу.

Наконец-то я забралась внутрь полностью, встала. Холодно, конечно. Уровень воды поднялся почти до бортика бочки, мне – по плечо. Платье было открытым, со спущенными рукавами – Майри с бала в таком виде, что ли, забрали? – так что снаружи должно было казаться, что я сижу в этой бочке вообще голышом.

Ткань промокала, и пузырьки воздуха поднимались наверх. Я уже начала мёрзнуть, но решила, что буду считать своё положение терпимым. Да, я стою в бочке с холодной водой, но поводов для паники нет. Разумеется, до тех пор, пока меня не станут топить в этой чёртовой бочке.

Дэбрэ смотрел на меня со странным выражением лица и, кажется, даже не мигал. Он выглядел бледноватым, словно это его погрузили в холодную воду. Синевя щёк – ему, похоже, следовало бриться дважды в день – точно стала заметней.

Не знаю, чему он там удивлялся, но мне становилось всё холодней. Раньше сядешь – раньше... Ну, вы помните эту пословицу.

– Ну и, – спросила я у него, – что мне теперь делать?

Он упорно молчал – я стояла в бочке с водой. Если бы не крайняя серьёзность моей ситуации, то я бы сказала: ну прямо царевна-лягушка и Иванушка-дурачок, забравшийся в самую топь за стрелой, выпущенной в поисках невесты. Думаю, в момент встречи с суженой глаза у Иванушки стали намного круглей, чем у лягушки. Вот примерно такой же взгляд был у Дэбрэ. Он смотрел на меня, будто я – дивное диво.

– Ну? – повторила я. – Вы холодом уморить меня тут хотите?

От моего голоса он словно опомнился. Быстро подошёл, протянул руку – и я отшатнулась, не хотелось, чтобы он касался меня. Но он лишь опустил руку в воду, а затем долго смотрел на мокрую ладонь, тёр пальцы друг о друга.

Его лицо словно окаменело. Кажется, в его исполнении так выглядел гнев. Только злился он не на меня. Чеканным шагом он подошёл к чёрной двери и распахнул её.

– Принесите святой воды, – приказал он невидимым помощникам. – Немедленно.

А этой, что ли, ему не хватало? А, ясно. Я стояла в обычной воде. Наверное, это и правильно.

Я как-то была в церкви на Пасху, уже очень и очень давно, до катастрофы. Так священник брызгал на собравшихся с помощью кисточки. На меня, помню, попало несколько капель воды. В нашем мире этого, как я понимаю, хватало.

Нынешнее моё знакомство со святой водой происходило иначе. Люди Дэбрэ окатили меня двумя вёдрами холодной воды. Проявили старание – один плеснул прямо в лицо, так что и в глаза, и в рот, и в нос попало. Второй вылил целое ведро мне на голову. Я чуть не захлебнулась. Уровень воды поднялся по край бочки – и мне по шею, лишнее с хлопаньем полилось на пол.

– Эй, а можно поаккуратней? Или вы хотите меня тут утопить?

Я убрала волосы с лица, взглянула на изваяние-Дэбрэ и двух его помощников-лупоглазов. Они смотрели на меня, я – на них.

Ай, ладно, всё. Игра в гляделки мне надоела, и я принялась умываться. Да, в этой холодной воде, но просить о нормальной ванне для приговорённой к смерти, что сразу понятно – пустая затея. Раз уж они устроили мне принудительный душ, оставалось довершить дело. Я окунулась с головой. Откинула голову назад и попыталась промыть волосы, а чёртовы цепи звенели, цеплялись, мешали. Впервые в жизни я мылась без шампуня, без мыла, в холодной воде, да ещё и в одежде – эффект от такого мытья мне представлялся сомнительным. Оставалось надеяться, что волосы всё-таки будут выглядеть чуть получше, когда меня поведут на костёр.

Вот об этой «приятной» перспективе не стоило вспоминать, ну да ладно. Поведут – значит, поведут. Сейчас я об этом думать не буду.

– Майри, – позвал Дэбрэ.

– Ну что? – Да, я была зла, и да, мой голос отражал всё испытываемое в полной мере.

– Выпейте это, – он протянул мне стакан. На вид – с чистой водой, на запах – тоже.

Его люди смотрели на меня со священным ужасом на лицах, вот что напрягало.

– Здесь яд?

– Святая вода из моих личных запасов.

– А этой, не из личных, что, было мало?

– Она из лорнского источника, – с некой торжественностью объявил Дэбрэ. Будто его пояснение должно было что-то важное значить.

А, ясно. Значит, здешняя вода недостаточно святая, по его мнению. Ох, как же мне хотелось высказаться! Причём преимущественно матом. Но ладно.

– Давайте свою воду.

Я выпила её полностью, весь большой стакан до самого дна, и протянула его Дэбрэ назад обеими руками, демонстративно перевернув доньшком вверх.

– Ну что, теперь вы довольны, дознаватель Дэбрэ? Давайте уже решайте скорей. А то я тут замерзаю!

Глава 6. Между отчаянием и надеждой

Пытка откладывалась. Возможно, и насовсем.

Дэбрэ мог передумать в любой момент, так что я старалась сохранять хладнокровие. В одной книге читала, что качели между вспышками надежды и последующим острым разочарованием сильнее всего ломают психику. Так что мало ли, вдруг это его способ давить на меня, а не приступ добросердечия.

Профессия дознавателя, как мне кажется, предполагает умение играть на чужих нервах. Так что бурно радоваться я себе запретила.

Мне позволили выбраться из бочки. Пришлось просить о помощи – ведь мокрое платье из кучи слоёв ткани весило целую тонну, а выбраться из – не то же самое, что забраться внутрь. Дэбрэ снизошёл до того, чтобы помогать мне лично. Лучше б этим бугаям поручил. Его руки на моём теле казались нереально горячими, а ещё он деликатничал, будто боялся дотронуться до голой кожи, и из-за этого чуть меня не уронил. В общем, такой себе из него вышел спаситель. Ещё и, опустив меня на пол, тотчас сбежал, даже полотенца не предложил.

Я ужасно замёрзла. Кожа на кончиках пальцев сморщилась. С меня текло чуть ли не водопадом. Реки и ручейки, льющие с моего чудовищно тяжёлого платья, образовали целое озеро посреди пыточной камеры. Я только заметила, кстати, что всё тут было устроено с толком, из-за небольшого уклона вода собиралась в одном месте. Я смотрела на неё – уже не лужа, а пруд – и тряслась, и стучала зубами. Ну и холодина, просто кошмар.

– Идите сюда, леди Майри, – позвал Дэбрэ и, когда я оглянулась, указал на стул, стоящий с другой стороны стола. – Присаживайтесь сюда.

Он сменил тон на более любезный и назвал меня леди. А это означало, что у меня появилась надежда на человеческое отношение и серьёзный разговор. Только надо этот шанс не проворонить.

Я и не подумала двинуться с места. Во-первых, это физически крайне тяжело в этом чёртовом платье и кандалах. Во-вторых, куй железо, пока горячо. Леди Майри имела право требовать намного больше заботы, чем ведьма Майри, и я собиралась этим фактом воспользоваться.

– Мне ужасно холодно. Дайте мне переодеться. И одеяло какое-нибудь. И что-нибудь сухое и тёплое на ноги, хорошо бы шерстяные носки. И закройте окно, а то дует, сквозняк.

Он смотрел на меня с таким видом, что могу поклясться: находилось немного охотников указывать ему что, как и когда делать. Волновал ли меня его дискомфорт? Нисколько. Меня ждала казнь и воспаление лёгких, если срочно не переодеться. Или воспаление лёгких и смертная казнь. В такой ситуации чужой душевный комфорт интересует не сильнее вчерашнего прогноза погоды.

Так, подбородок вверх, взгляд пожестче, тон – максимально холодный. Ну давай, Майя, полный вперед.

– Вы способны только смотреть или всё-таки прикажете своим людям принести всё необходимое? И воды пусть вскипятят, мне нужно выпить чего-нибудь тёплого.

Желудок очень вовремя вспомнил, что давно пуст, и я с усилием потёрла живот.

– И еды принесите. Погорячей.

– Вы решили, что вправе указывать мне? – он смотрел на меня с недоверчивым изумлением.

Нападение – лучшая защита. Папа всегда говорил, что в словосочетании «банальные истины» главное слово – истины, а банальные – синоним слова общеизвестные, то есть народные, проверенные временем, действенные. Так зачем изобретать велосипед?

Я храбрилась, подстёгивала себя, закрывая глаза на страх неудачи, но мне нельзя было, ну никак нельзя сейчас раскисать. Я должна настоять на своём, Дэбрэ должен увидеть во мне

ровню себе, а лучше – кого-нибудь поважней. Но он грубил принцу, так что на последнее не стоило даже надеяться.

– Я решила, что вы человек, несомненно, умный и знающий, а значит, уже поняли, что я вам не солгала. У вас больше нет причин играть в злого дознавателя, и можно вернуть на место благородного человека, который не позволит невинной женщине умереть от переохлаждения. Или мне упасть вам в ноги и взывать к вашему милосердию, чтобы вы обогрели меня?

Один из солдат закашлялся, другой негромко присвистнул, и Дэбрэ одёрнул обоих. Он старался сохранить лицо, но порозовевшие уши выдали его. Ну надо же – крохотный намёк на сексуальный подтекст, и взрослый мужчина смутился, будто подросток в пубертате. Я вспомнила разговор о раздевании, случившийся до бочки, затем с какой осторожностью Дэбрэ касался меня, когда вытаскивал из воды – хм, как интересно. Да и эти двое лбов недалеко от него ушли, смотрели на меня как-то странно.

Мельком я взглянула на себя – вырез намоченного платья стал значительно ниже. Их моя полуобнажённая грудь, что ли, заинтересовала? Да ладно!

Но и на этом можно сыграть.

Я опустила на колени – как могла грациозно. Чёртовы гремящие цепи и слои мокрой ткани сделать это красиво мне не помогли, да и вид у меня, наверняка, был не соблазнительный, а откровенно жалкий. Но мне-то что с того вида, когда главное – выжить.

– Умоляю, Дэбрэ, увидите же во мне страдающую женщину. Даже если я совершила что-то предосудительное, то не помню об этом. Я не чувствую за собой никакой вины. И ваша жестокость ранит мне сердце.

Никогда не думала, что тонны прочитанных за последние годы любовных романов когда-нибудь спасут мне жизнь. Рецепт успеха мамзелей в беде: откровенно говори об эмоциях, плачь и даже рыдай, если нужно разжалобить, взывай к благородству мужчины. И ведь сработало же. Эврика, это работало!

Аллилуйя, он сдался. Послал людей за одеждой и одеялами, за горячим чаем и едой, а сам подошёл ко мне, чтобы помочь подняться на ноги.

– Мне так тяжело, – призналась я, опираясь на его руку. – Это платье – как камень на шее. Я едва могу стоять.

Не совсем правда – стоять я могла, а открой он передо мной дверь и скажи: «Иди-ка, Майя, на все четыре стороны», – то не то что пошла, а побежала бы отсюда вприпрыжку. Но приврать нужно, даже необходимо – дамы, не боящиеся признаться рыцарям в своих бедах, в моих любимых историях всегда оказывались на коне.

Вскоре я сидела у стола, переодетая в длинную белую рубашку, подозрительно напоминающую саван, и в белой обуви, с белым же полотенцем, закрученным на голове, и двумя пледами, накрывающими плечи и ноги. Передо мной стояла чашка с дымящимся чаем – травяным, очень вкусным, а на тарелке лежала булочка, источающая божественный аромат.

Дэбрэ дождался, пока я верну чашку с недопитым чаем на стол, и сказал:

– Завтра, леди Майри, вас казнят. Отменить казнь не сможет никто, даже король не решится помиловать вас, чтобы не стать мишенью гнева толпы.

Кусок выпечки встал мне поперёк горла.

– Но я не виновата. – Он скривился, и я поспешила сказать: – Я не помню, чтобы делала что-то дурное. Я не помню вообще ничего. Пожалуйста, я же прошла испытание святой водой. Я не ведьма.

– Зато до того вы наговорили немало, а от святой воды ваша кожа дымилась, вы испытывали такую боль, что во всём сознались. Я лично опрашивал вас, и вы поведали о преступлении в таких подробностях, о которых могло быть известно только виновной в том, что королевская чета вновь потеряла наследника. Народу объявлено, что ведьма найдена. От вас отказалась

семья, друзья отреклись. Ваше имя даже сейчас проклинают с амвонов по всей стране. Вы уже в прошлом, леди Майри, вы уже мертвы.

– Но вы же видели. Я не ведьма! Хотите, я выпью целую бочку этой вашей лорнской воды.

– Не нужно. Завтра на глазах собравшейся публики вы сможете выпить хоть весь Лорнский источник.

Так ведьм здесь ждал не костёр.

– Меня утопят?

– Да. На глазах высшей знати всего королевства и простых людей. Из-за тяжести совершенного вами публики будет немало.

Спокойствие Дэбрэ казалось худшим его преступлением. Он знал, что я невиновна, но, похоже, не собирался шевельнуть даже пальцем, чтобы спасти меня.

– И вы позволите этому произойти? Даже не попытаетесь спасти невинного человека?

– Вас никто не спасёт, кроме провидения божьего, – бесстрастно ответил Дэбрэ, и я вся сжалась, охватила голову руками.

Мнимая победа ускользала из рук. У меня не было шансов спастись.

– А теперь, леди Майри, будьте любезны мне объяснить, что вы сделали, может, выпили какое-то зелье или провели ритуал, чтобы в вас больше не могли опознать ведьму обычными методами.

Вот честно – ни на миг не удивилась его словам. От него именно такого и следовало ожидать. То есть невинной он меня не считает, когда я умру, не будет и совестью мучиться. Дознаватель до мозга кости, он не может допустить мысль, что в чём-то ошибся. И не поверит ничему, что я скажу. Прямые доказательства невинности превратит в обвинительные.

Я распрямилась, посмотрела ему прямо в глаза. И как я сразу не поняла? Его мнимое добросердечие растёт всего лишь из профессионального интереса. Он хочет знать, как ведьма смогла его обмануть.

«Я – не я, я не из этого мира». Ну-ну, прямо вижу, как он мне поверит.

И всё же я не теряла надежды, пусть и они меня уже в погребальный саван одели. Как – не знаю, но я из этого ужаса выберусь.

– Скажите принести мне ещё чаю. Этот остыл.

Я откинулась на спинку стула и плотней запахла в плед. Если уж я и научилась чему-то за эти пять лет в инвалидной коляске, так это терпению. «С нынешним уровнем медицины и вашими травмами вы больше никогда не сможете встать на ноги. Это невозможно». И что же? Теперь я хожу – это факт. Пусть чудом, но я это сделала.

Как ни подстёгивай мёртвую лошадь... Неважно. Когда твои надежды пинают ногами, главное – стойко держать удар. Мёртвой я пока не была, так что имела полное право и даже обязанность перед собой верить в лучший исход и использовать любой подвернувшийся шанс на спасение.

Глава 7. Лорнский источник

Принц не дождался ни колдовской книги, ни имени вредоносной особы из окружения королевы. Его недовольство чувствовалось издалека. Я сидела в закрытой карете и наблюдала в окно за разговором Дэбрэ с принцем и его приближёнными. Из-за расстояния и закрытых дверей-окон не слышала ни слова, но жесты и мимика собеседников выглядели достаточно красноречиво, а в содержании беседы не приходилось сомневаться.

Чем больше упреков Дэбрэ выслушивал, тем выше вздёргивал подбородок. Чем яростнее жестикулировал принц, тем отчётливей у Дэбрэ каменело лицо.

Я злилась на него. Имея доказательства моей невиновности, он, во-первых, упорствовал в подозрении, что я неким волшебным образом его обманула, и не принимал во внимание, что до меня повернуть фокус со святой водой никому не удалось. Во-вторых, я сомневалась, что он кому-либо доложил о том, что я прошла проверку. За всё время мы расставались лишь на минуты, необходимые для посещения уборной, в остальное время я не видела, чтобы он что-либо писал. В-третьих, все пути спасения, которые я предлагала, он отвергал. Поднял меня на смех, когда я умоляла его позволить мне упасть в ноги королю или королеве. Он лишил меня даже крохотных шансов к спасению, в итоге – кого мне было ненавидеть, как не его?

Позади осталась бессонная ночь, где мне снова и снова задавали одни и те же вопросы, чтобы получить ответ: «Я не знаю, не помню, ну поверьте же мне уже, наконец». Усталость из-за непрерывного допроса усугубилась ещё и довольно долгой и утомительной дорогой в Лорн.

Выехали ещё затемно. Нас ждала карета чёрного цвета, запряжённая парой лошадей тёмной масти. Из-за спешки мне так и не удалось что-либо разглядеть, кроме брусчатой дороги, тающей в серых сумерках приземистой крепости, огораживающей её зубчатой стены и бесконечного леса. Лошади шли рысью, карету трясло, меня страшно укачивало, а Дэбрэ продолжал спрашивать – упорный бульдог. Там, в дороге, остались мои слёзы – да, я прибегла и к крайнему средству, но до героя моего романа Дэбрэ было как до луны. Он остался полостью равнодушен. Сказал: «Вы закончили?» – и предложил умыться холодной водой. А затем вновь спросил, как я его обманула.

Но сейчас, когда я наблюдала за принцем, позабывшим лелеять образ абсолютной самоуверенности, и короткими ответами на все обвинения Дэбрэ, вспомнилась другая подобная сцена. Тогда в камере принц сказал, что ради сведений о книге и сообщнице Дэбрэ может с меня живой кожу содрать. Принц требовал не церемониться. Разрешил всё, любую жестокость и даже привёз королевский приказ.

Дэбрэ приказ не выполнил. Он обошёлся со мной по-человечески. Не дал сбежать, но и пытал только вопросами.

Понятия не имею, как он оправдывался сейчас, что говорил. Я так устала. Надежда всю ночь угасала, сейчас от неё остался жалкий пшик.

За окном уже давно светило солнце. Карета стояла в редком лесу, соблазняя прекрасными видами. Я уже вечность не гуляла по лесу. Смотрела на белобокие берёзы, трепещущие осины – хотела выть, как тот волк, что всё на лес смотрит. До боли хотелось хотя бы разочек полной грудью вдохнуть свежий воздух, пробежать по траве босиком, упасть на землю и целую вечность смотреть в небо на облака-крокодилы, кудрявых барашков и прочих облачных жителей.

Дэбрэ, будь он человеком, дал бы мне шанс сбежать... Но цепь с ножными кандалами пристегнули к полу кареты, и будто этого мало – у каждой двери стояло по человеку, охраняли меня. Его помощники тоже знали, что я не ведьма, но не пытались помочь.

Дверь кареты открылась.

– Выводите её, – приказал Дэбрэ тоном, в котором отчётливо хрустел лёд.

Когда я выбралась наружу, у меня забрали обувь и плед, в который я куталась весь путь. Я осталась босой и в белой рубашке до пят – погребальном саване. Теперь я могла дышать свежим воздухом, стояла на земле, ступнями ощущала прохладный песок и мелкие камешки. Наверное, даже в таких обстоятельствах я смогла бы порадоваться и насладиться тем, о чём годами мечтала, но мне не дали даже вздохнуть. В кольцо, приваренное к одному из ножных браслетов, пропустили ещё одну нетолстую цепь и её же соединили с ручным браслетом. Недлинный остаток цепи – поводок – один из помощников отдал Дэбрэ. А затем мне попытались затолкать в рот кусок ткани, и вот тут уж моё терпение кончилось.

Побеждённый в неравной битве был известен заранее, но я пыталась. Пиналась, толкалась, ткнула одного из помощников пальцем в глаз, укусила Дэбрэ за ребро ладони. Только в фильмах про зомби после укусов тупыми человеческими зубами льёт кровь. Я очень старалась, но добилась совсем немногого – будет ему от меня круглый синяк на руке на недолгую память.

Кляпа им показалось мало, они ещё и сверху завязали мне рот полоской белой ткани. Тут я уже не сопротивлялась. Просто стояла и смотрела в глаза этого человека.

Он снизошёл до того, чтобы объясниться:

– Это делается для того, чтобы ведьмы не оскорбляли слух собравшихся криками.

Вот как. Я кивнула.

– Идёмте. Надеюсь, мне не придётся вас тащить.

Я качнула головой: нет, не придётся.

Лорнский источник располагался внизу. Удивительно, я и не подозревала, что рельеф тут так резко менялся. Мне казалось, что мы в лесу, а на деле оказались на горе, хотя подъёма во время пути я не заметила.

Мы прошли от силы несколько десятков шагов по лесной тропинке, а затем нас ждал долгий спуск по каменной лестнице к расположенному внизу озеру. И я наконец поняла, почему нигде не видела обещанной публики, кроме принца и пары человек с ним, слышала лишь шелест ветра, а не шум голосов. Все они – сотни, а может, тысячи людей собрались на другой стороне озера. В глазах рябило от ярких нарядов, флагов, палаток, карет. С той стороны подъезд к источнику был удобным – пологим.

Сам Лорнский источник представлял собой круглое озеро совершенной формы. Возможно, тут произошёл природный катаклизм, но могли постараться и люди. Вода ярко блестела на солнце, почти не позволяя на себя смотреть, но кое-где я заметила выступающие из воды... камни? Сложенные из камней стены?

Я бы спросила у идущего впереди Дэбрэ, но кляп не позволил.

Не знаю, почему я вообще задавалась вопросом происхождения источника, когда меня ждала скорая смерть. Но в голову лезли лишь такие вот глупости. О вечном я не думала, смерти не хотела, но и не боялась. О родных не тревожилась – с ними всеми я пять лет назад попрощалась. Так что будь что будет.

Великий волшебник Альбус Дамблдор как-то сказал, что смерть – это приключение. И я могла с ним согласиться, ведь уж кому-кому, а мне не стоило отрицать существование души. Моя душа как-то попала сюда, в это тело, значит, точно не умрёт, а уйдёт в другой мир. Так чего волноваться? Если уж этот мир отвергал меня, не желал дать мне шанс прожить тут интересную счастливую жизнь, поищу другой – не такой капризный и привередливый.

Да, разумеется, я боялась. Я ведь не сумасшедшая. Бла-бла-бла в голове помогало не паниковать.

Мы остановились в самом низу, и тогда я смогла оценить высоту обрыва – размером с девятиэтажку, не ниже.

Дэбрэ не предупреждал, но таких «счастливиц», как я, тут было ещё двое: полноватая женщина, на вид – мать семейства, и совсем ещё девочка с веснушчатым круглым лицом лет на пять младше меня. Их тоже одели в белые рубашки до пола, завязали рты, и, как и я, они

были простоволосые. Девушка безостановочно плакала, женщина на меня даже не посмотрела. Дэбрэ обменялся с сопровождающими их дознавателями приветствиями.

С той стороны озера раздался звон, будто где-то ударили в колокол. Лодка у причала стояла одна, моя очередь оказалась последней. Первым к центру озера поплыла та кругленькая рыжеволосая девчушка и её дознаватель.

– Дитера Огю приворожила сына барона Октана. Брак наследника уже был сговорён, но он вдруг начал рассказывать о неземной любви к простой девушке, просил у отца позволения разорвать помолвку со знатной невестой и обвенчаться с любезной его сердцу девицей. Когда ему отказали, потребовали одуматься, он напал на отца – проник ночью в спальню и задушил подушкой. Поняли не сразу, лишь когда, не дав трауру по отцу ни дня, новоиспечённый лорд объявил о приготовлениях к свадьбе. Братьев и мать, которые просили его одуматься, он тоже убил, только в этот раз не скрываясь. Причину его безумия раскрыли быстро – Дитера пыталась бежать, святую воду отвергла, призналась во всём в самых малых подробностях.

Не знаю, зачем он мне всё это рассказал. Хотел оправдаться? Бессмысленное занятие. Меня ждала та же судьба, что и Дитеру, и я не желала понимать справедливость обвинений и строгость закона. Я сочувствовала только ей, сказочка про «богатые тоже плачут» оставила меня равнодушной – я поверила ей в той же мере, как Дэбрэ верил тому, что я ему говорила.

Раздался ещё один удар колокола, и лодка с Дитерой остановилась на середине озера. Какое-то время ничего не происходило, а затем дознаватель, преодолев немалое сопротивление, вытолкнул девушку из лодки.

Её белая рубашка загорелась, как только тело коснулось воды. Я думала, её утопят – но увидела лишь огненную вспышку и белый дым, пошедший над водой. Дознаватель за конец цепи вытащил из воды пустые кандалы – ни следа девушки не осталось.

Я стояла неподвижно, будто меня ударили мешком по голове. Смотрела туда, где совсем недавно стояла уже возвращающаяся в нашем направлении лодка. От Дитеры не осталось даже дыма, вообще ничего.

Со второй женщиной случилось то же самое. От неё тоже ни следа не осталось.

– Они ведьмы, Майри, – сказал Дэбрэ, когда лодка вернулась на пристань уже по мою душу. – А вот кто вы, твердящая о своей невинности, мы совсем скоро узнаем.

Я смотрела в воду, когда мы плыли – видела стайки рыб, водоросли, каменную кладку и полуразрушенные стены, мозаику на полу гигантского затопленного сооружения. Не всё получалось рассмотреть, но, несомненно, это создали люди. Один элемент мозаики показался мне знакомым – часть единственной известной мне пентаграммы выглядела именно так. Я не смогла рассмотреть лучше – Дэбрэ дёрнул цепь, иначе, наверное, я бы выпала в воду, нарушив их церемонии.

Когда лодка достигла центра озера, Дэбрэ прекратил грести и бросил якорь, иначе бы мы и дальше двигались по инерции.

Отсюда уже получалось рассмотреть собравшихся ради моей казни людей. Богатый навес в центре, несомненно, предназначался королевской семье и придворным, выделялся ещё и особой яркостью и пышностью нарядов собравшихся лиц. Люди попроще толпились вокруг, кто-то из-за недостатка места стоял чуть ли не в воде. Тут были и дети, и старики, и мужчины, и женщины.

Я слышала голос, но не понимала слов – видимо, рассказывали о преступлениях Майри. Рассказ длился и длился, затем голос замолк. Я ждала удара колокола. Поторапливала его. Да, я надеялась, что чудо, как и в бочке со святой водой, меня вновь спасёт, и я избежну участи предшественниц. И одновременно напоминала себе, что смерть – это приключение, и сомневаться в наличии души, а значит, и следующей жизни у меня нет причин. А колокол всё молчал.

И я наконец увидела почему – какую-то девушку, на коленях стоящую у кресел королевской четы, подняли на ноги и увели. За меня просили? Я не знала, кто она, та просительница,

но на глазах выступили слёзы. На миг ко мне вернулась надежда, что ещё можно спастись, что остановят казнь, что ни белого огня, ни дыма не будет, я вспомнила, что добрых людей больше, чем злых...

В тот миг, когда колокол зазвучал, Дэбрэ вытолкнул меня с лодки.

Глава 8. Колыбель жизни

Вода в источнике оказалась необыкновенной прозрачности, я и подумать не могла, что тут так глубоко. Этот дурак – а как его иначе назвать? – выпустил из рук цепь-поводок, и я, отяжёлённая кандалами, с цепями, не позволяющими с толком использовать ни руки, ни ноги, отправилась в последний путь – ко дну. Не камнем вниз, но похоже.

Барахталась, как могла, старалась задержать погружение, ещё сильнее старалась не паниковать. Кляп во рту не давал вдохнуть – хотя чем в воде дышать, если жабрами природа не одарила? Похоже, несчастье помогло, и именно из-за кляпа я сразу не захлебнулась. Задержала дыхание, как могла била по воде ногами-руками, смотрела наверх. Солнце стояло в зените, поверхность озера превратилась в огромный светящийся круг, единственное тёмное – силуэт лодки, и он всё отдалялся.

Я хотела бы это нарисовать. Именно с этого ракурса. Невероятная красота, совершенная. Мне повезло это увидеть, буду думать именно так, а о прочем – не надо.

Сияющий круг разбился – с лодки в воду бросился человек во всём чёрном.

Даже в сапогах. Нет, ну что же Дэбрэ за идиот! Он же так тоже утонет.

Не утонул. Плавал он хорошо. Добрался до меня ровно в тот миг, когда мои ноги коснулись камней – скользких и ещё более холодных, чем вода здесь, у дна.

Не смотрел он фильмов ни про спасателей, ни про выживание в дикой природе, но – не такой уж и дурак – приплыл сюда с верёвкой. Я пыталась за него ухватиться, пока он меня ею окручивал. Воздуха становилось всё меньше, отчаяния и страха больше. А потом он уплыл – и я смотрела на него, исчезающего в свету, и ненавидела так сильно, так бесконечно за то, что он меня здесь – в этом холоде, темноте, на самом дне – бросил.

Надежда боролась с отчаянием, ненависть с благодарностью: не бросил же. Ведь не бросил?

Он вытянул меня из воды, когда уже всё, воздух кончился. Я лежала на полу лодки, лёгкие горели огнём, тело трясло от холода. Он поцарапал меня, вырывая изо рта кляп, и на ладони, когда я протёрла рот, остались розовые разводы. Живот и бока, даже ноги болели – вытаскивая меня через край лодки, он не церемонился. Дышать удавалось с трудом. Я закрыла глаза. Лицо и так было мокрым, так что моих слёз никто не смог бы заметить.

Смешной человек. Всё пытался поправить мою задрвшуюся до коленей рубашку. Всё тянул и тянул за неё, а затем выругался негромко. Что он там прошипел себе под нос, я так и не поняла. Дэбрэ принялся сдирать с себя сюртук, накрыл мои ноги им – холодным, тяжёлым, мокрым насквозь. Нашёл, о чём позаботиться.

– Снимите эти чёртовы цепи. – У меня голос хрипел, будто я криком горло сорвала.

– У меня нет тут ключей...

О, так значит, когда будут ключи, он отпустит меня? Аллилуйя!

– Как вы, Майри?

Он наклонился надо мной, заставил повернуть к нему голову. Пока он вглядывался в мои глаза, я смотрела на него. Мокрый, он такой... С растрёпанными волосами ему в разы лучше. Ресницы длинные, густые, слиплись пиками. У него карие глаза, а в них – золотистые звёзды.

Очень опасный мужчина. Да ещё и спаситель. И тюремщик. И дурак, из-за которого я чуть не умерла.

– Зачем вы бросили цепь? – спросила я. – Хотели меня утопить?

Он отвёл взгляд, начал отстраняться, и я схватила его за руку – холодную, как и у меня, но широкую, сильную, с круглым следом от зубов на ребре ладони. Я погладила этот след, будто так могла стереть рану с его тела и из нашей памяти. Он бросил на наши соединённые руки такой взгляд, что я мигом его отпустила.

Да уж, умеет он отбрить взглядом. Слова благодарности колом встали в горле, но мне всё же удалось сказать:

– Как бы там ни было, вы спасли меня, и я вас прощаю, Дэбрэ. Не забуду этого никогда, всегда буду помнить. – У меня губы дрожали, и я ничего не могла с этим поделать. – Спасибо.

Он отвернулся, но далеко не ушёл. Да и куда здесь, на этой маленькой лодке.

– Давайте, я помогу вам сесть.

Я смотрела на него: тонкая белая рубашка прилипла к телу – сильному, мускулистому. Ему удивительно шло. Таким он был будто совсем другим человеком. Он выглядел более настоящим, чем до сих пор. Без сюртука и лица – каменной маски он был прекрасен.

После пережитого мне нелегко было даже сидеть на скамье, а он грёб. Благодарение щедрой Вселенной, мы направились не туда, откуда раздавался гул, будто пчелиное гнездо ткнули палкой, а назад, к маленькой пристани.

Там мне предстояло подняться пешком по лестнице приблизительно на девятый этаж, но я не жалела о его выборе. Дэбрэ – единственный человек рядом со мной, и меня это всецело устраивало. Гул сотен человеческих голосов всё отдалялся, и мне становилось всё легче дышать. Я смотрела на лес, на небо, на прекрасные облака, на красивого мужчину напротив. Единственное, куда мне больше не хотелось смотреть – это в воду.

Я могла свободно дышать и дышала всей грудью. Мир казался удивительным и прекрасным. Я была спасена и скоро буду свободна.

А затем моё удивительное, совершенное счастье попытались разрушить.

– Прикройтесь же, наконец, леди Майри, – приказал Дэбрэ более грубым тоном, чем позволял себе когда-либо прежде.

Его лицо покраснелось. Ещё бы – он грёб быстро, размашисто, мощно. Но, оказывается, не только эта причина заставила его покраснеть.

Я опустила взгляд вниз – ого, а холодная вода сыграла с моим внешним видом занятную шутку. Мокрая рубашка всё ещё липла к телу, грубоватая плотная ткань не стала прозрачной, но подчёркивала всё с откровенностью мокрого трикотажа. Моя неголая грудь шокировала Дэбрэ, и я невольно улыбнулась.

– Наденьте сюртук, – сказал он ещё строже.

– Ваш мокрый сюртук? – уточнила я.

– Разве у вас есть другой? – Дэбрэ злился, а мне было ужасно смешно, я не могла спрятать улыбку.

Его чёрный сюртук накрывал мои ноги – Дэбрэ настоял. Холодный, промокший насквозь, тяжёлый – я, как хорошая девочка, послушно натянула его на плечи и подарила Дэбрэ возможность любоваться видом моих лодыжек и даже, о ужас, ха-ха, нижней части голеней. Мокрая рубашка липла к коже, мне никак не удавалось её толком поправить, и я бросила дурное занятие. Пусть смотрит, наслаждается или возмущается – мне всё равно.

Дэбрэ смотрел мне в лицо, взгляда ниже не опускал, а я любовалась прекрасными видами и его жарким румянцем.

До чего же забавно.

И хорошо. Как же ярко я чувствовала своё тело и ощущала всё вокруг себя таким живым и прекрасным. Я словно заново родилась там, в этой страшно холодной воде. Моя жизнь началась в четвёртый раз. Да, именно так, уже в четвёртый. После первого рождения, катастрофы, где погибли все, кроме меня, внезапного попадания в другой мир, здесь, в Лорнском источнике, я могла умереть, а значит, вновь заново родилась. И мне нравилась эта новая, уже четвёртая во втором мире жизнь. Я здорова, уже почти свободна от кандалов, я жива и больше не ведьма, о да!

Леди Майри, Майя, Маечка, пусть тебе повезёт прожить свою лучшую – самую долгую, самую счастливую – жизнь. На удачу я скрестила пальцы.

Глава 9. Подмоченная репутация

Ближе к середине пути наверх я мысленно, а может, и вслух проклинала создателей бесконечной лестницы. Дэбрэ благородно предложил меня понести, а я попросила передышку и уселась на ступеньку ещё до того, как он согласился. Адреналин, всё это время поддерживающий силы, иссяк. Усталость навалилась такая, что у меня ноги дрожали и голова кружилась, даже когда я сидела. Страх ушёл, мне больше не нужно было ни бежать, ни сражаться – и бессонная ночь и все тревожения дня напомнили о себе. Тело стало безвольным, тяжёлым, из него будто вытащили все кости. Сонливость не могли отогнать даже мокрая одежда и холод.

– Вам нельзя сидеть здесь, на камнях, – уговаривал меня Дэбрэ.

– Угу.

– Вставайте, леди Майри.

– Угу. Щас. Одну минуточку... минуточку, хорошо?

Глаза закрывались, я почти спала – и он воспользовался этим, чтобы решить всё по-своему.

Поднял меня на руки и понёс. По чёртовой лестнице. Наверх. Взрослого человека. Да ещё и старался так держать, чтобы не оскорбить мою – Майри – скромность.

«Он будет носить меня на руках» красиво звучит только в любовных романах. С отказавшими ногами, я на своём опыте знала, что носить взрослого человека на руках – это тяжёлый физический труд. Тем более по лестнице, тем более наверх. Обычный холодильник весит примерно столько же, и его несут двое грузчиков, останавливаясь на каждой лестничной площадке и утирая пот со лба, и кляня на чём свет хрущёвки без лифта.

Вернуться в прошлое, когда мне приходилось принимать и оплачивать подобную помощь – да ни за что!

Мгновенно взбодрившись, я потребовала себя отпустить. Мы это обсудили, и Дэбрэ позволил идти мне самой. И я шла какое-то время, переставляла ноги, и ещё, и ещё, и мне вновь больше всего на свете хотелось присесть... Он закинул одну мою руку себе на плечо и помог идти остаток пути, придерживая за талию.

– Позвольте себе принять мою помощь, Майри, даже если мои прикосновения вам неприятны.

М-м? Что? Он говорил что-то странное, и я не стала вникать. Правда устала.

Хорошо, что он меня вёл – иначе, почти наверняка, рано или поздно я бы пересчитала ступеньки той лестницы на пути вниз и получила возможность начать пятую жизнь раньше срока. Так что он меня второй раз за день спас. И как не любить этого человека?

Наверху нас ждал экипаж и двое его людей, и возница. Кроме них и пары лошадей – никого.

Дэбрэ довёл меня до кареты. И там случилось самое желанное чудо – с меня сняли кандалы. Синяки, ссадины и царапины на руках и ногах выглядели не очень, да и болели, но в те мгновения я любила весь мир, и потому всем всё простила – только б больше не видеть этих кандалов никогда.

Я хотела спросить, что мне теперь делать, ведь раз я свободна, то мне нужно куда-то идти. Но Дэбрэ даже не стал слушать мой лепет.

– Забирайтесь внутрь. В первую очередь вам нужно отдохнуть. И переодеться, конечно. Мы решим этот вопрос, я отошлю людей в ближайшую деревню. Вам что-нибудь привезут.

Пока он приказывал освободить лошадь из упряжки и разговаривал со своими людьми, я забралась в карету.

Один из его помощников отправится с поручением, но когда ещё он приедет назад? И мне до тех пор сидеть в мокрой рубашке? Ну нет. На сидении меня ждал плед – вот в него я и переоделась, приспустив занавески на окнах кареты.

Вижу, та же светлая мысль пришла в голову и Дэбрэ. С ним поделился одеждой второй из охранников. Я заметила из окна, как Дэбрэ снимает с себя рубашку, и откинулась на спинку сидения. Он странно относился к наготу, любому намёку на неё, и не стоило за ним подглядывать даже случайно.

Поджав под себя замёрзшие ноги, я удобней устроилась на сидении. Затем сползла по спинке вниз, опёрлась на руку. Но до чего же хотелось прилечь. Места тут, конечно, совсем мало. Я повернулась и так, и этак – устроилась как-то. Я лежала, видела в окно кусочек неба, плывущие облака, колышущуюся на ветру ветку берёзы. Листья – то чёткие, тёмные или ярко блестящие на солнце, то расплывающиеся в месиво акварельными пятнами.

Самое главное – я могла это видеть, я жила, и я была бесконечно счастлива и благодарна за подаренный мне судьбой – и Дэбрэ – шанс начать всё сначала.

– ...Вам туда нельзя! Нет, вы не можете сейчас её видеть! Она не готова к визитам.

Я, наверное, заснула. Теперь голова страшно болела, а рядом с каретой кто-то кричал. Ну, выяснял отношения на повышенных тонах, так будет вернее. И один из выясняющих, несомненно – Дэбрэ. Он кого-то ко мне не пускал, кого-то весьма настойчивого. Виконта какого-то там.

Я села, плед сполз с плеча, да и ноги оказались частично обнажены – Дэбрэ бы такой вид не одобрил, наверняка бы сказал: «Прикройтесь, наконец, леди Майри». Так что мне стоило закутаться поплотней, а затем выяснить, кто и почему там кричит.

И в этот миг дверца кареты открылась, но с другой стороны – там, где всё было тихо. Оттуда на меня смотрел человек – несомненно, богатый, обладающий властью и не самым лёгким характером. Мужчина лет пятидесяти в роскошной одежде красиво седеющий несколько секунд молча смотрел на меня, а затем отступил на шаг и захлопнул дверь так резко, будто хотел её сломать. Я даже не успела прикрыться. Он мне ничего не сказал, хватило и взгляда, чтобы почувствовать себя с головы до ног облитой помоями.

Они тут что, все сумасшедшие? Сразу во фраках и бальных платьях рождаются? Я могла бы поклясться, что его возмутил мой внешний вид – в одном пледе, да ещё и неплотно закуренным.

– Вилар, – раздался громкий властный голос, и я сразу поняла – это говорил тот человек, – иди за мной. Мы уезжаем. Нам здесь ничего делать.

Теперь я слышала всё – дверь хлопнула, но не закрылась, и через щель внутрь кареты проникал свежий воздух, и звуки вокруг стали намного отчётливей.

– Но, папа. А как же Майри? Разве можно оставить её с этим человеком?

– А кто такая Майри? Я не знаю такой. И никто из нас больше не знает.

Ого. Дэбрэ говорил, что друзья и семья отреклись от меня. И, кажется, это как раз родственники явились сюда, по мою душу. Или уже нет, и больше я им не нужна?

– Папа, но ведь она доказала, что не совершала тех преступлений.

– Может, и так, но девушка с подмоченной репутацией никогда не войдёт в мой дом...

Вилар. – Мужчине хватило всего одного слова, произнесённого с явной угрозой, чтобы сломать нежелание подчиняться себе.

Я видела в окно – они ушли вместе: седеющий мастодонт и его сын – высокий блондин в не менее роскошной одежде. Отец и брат Майри? Ничего себе. На моего отца этот человек не походил совершенно – небо и земля, мой отец и вот этот, брызгающий слюной повелитель Вселенной.

Дэбрэ негромко постучал в дверцу кареты.

– Леди Майри, я могу вас увидеть?

– Да, – сказала я, поправив на себе злосчастный плед.

Не уверена, что хотела бы иметь дело с такими людьми, но оказаться отвергнутой, да ещё и названной «девушкой с подмоченной репутацией» – м-да, не лучшая ситуация. А с другой стороны, после той грязной тюрьмы, да и после тюрьмы из изломанного тела, всё это – пыль.

Дэбрэ долго смотрел на меня, не заходя в карету, вздохнул тяжело. Затем положил сверток рядом со мной на сидении.

– Жаль, что вы не успели переодеться до того, как здесь появилась ваша семья. Герцог Вирский отказался вам помогать. Я сожалею.

– Он мой отец?

Дэбрэ кашлянул и потёр горло. Даже для него близкое знакомство с холодной водой не прошло даром. И они хотели, чтобы я тут сидела во всём мокром? Ну что за идиоты.

– Названный отец. Герцог Вирский принял вас в свой дом и воспитывал, будто собственную дочь. Вы разве не помните?

– Я же говорила, что не помню вообще ничего. – Я взяла в руки свёрток. Похоже, там было платье – нормальное, а не тот ужас с тысячью юбок. – Спасибо большое.

Значит, между нами нет кровного родства. Быть дочкой герцога, конечно, приятней, чем просто девушкой, тем более с «подмоченной репутацией», но нет. Я даже на секунду не расстроилась, что потеряла «счастливую» возможность общаться с людьми, отказывающимися от других из-за голой коленки.

– Я переоденусь, Дэбрэ. Смотрю, вопрос одежды тут слишком многих волнует, будто не все мы пришли в этот мир совершенно без ничего.

Он открыл рот, как если бы собирался что-то сказать, а затем поклонился мне – это случилось впервые – и закрыл за собой дверь, предоставив мне необходимое уединение.

Если честно, то я, конечно, расстроилась из-за герцога. Но только самую малость.

Мне привезли длинную рубашку из мягкого хлопка. Шерстяное платье с нормальными рукавами. И даже косынку. Они не позаботились о белье, но винить помощника Дэбрэ не хотелось. Особенно потому что в свёртке оказались ботинки – невысокие, с завязками, и идеально подходящие мне по ноге. А ещё там был гребень!

Глава 10. О лесах и лисах

Дэбрэ сообщил, что мы возвращаемся в крепость-тюрьму. О том месте у меня остались не самые приятные воспоминания, но Дэбрэ пообещал помощь, а ещё напомнил, что в крепости остались мои вещи. Мокрое грязное платье – не причина, чтобы желать вернуться в тюрьму, но, оказывается, в крепости, в специальном сейфе находились драгоценности Майри. Они были на ней, когда её арестовали – да, я верно догадалась, это случилось во время королевского бала.

По словам Дэбрэ, пройдя окончательное испытание Лорнским источником, я доказала свою невиновность и теперь свободна. Дознаватель – не лучшая компания, как и тюрьма – не лучшее направление пути, но Дэбрэ оставался одним из немногих людей, которых я здесь знала. И он предложил помощь – разумеется, я согласилась.

Так что да, мы отправимся назад в крепость, но только через пару минут.

Желание ненадолго отлучиться я сформулировала предельно корректно и обтекаемо. Можно сказать, дула на воду, ну мало ли – после истории с герцогом и голой коленкой в чём и ком угодно увидишь подвох. Дэбрэ на мои витиеватые объяснения только кивнул, и я ушла в лес, в ту сторону, где деревья и кустарники росли гуще. Впереди нас ждал долгий утомительный путь, и не лишним было к нему подготовиться и физически, и морально. Да и не давала покоя мысль: когда ещё доведётся подышать свежим воздухом, полюбоваться на лес. Вот так я и подарила себе по-настоящему счастливые десять минут.

Или чуточку больше.

Меня устали ждать. Помощники дознавателя звали-кричали, а я отвечала: «Иду-иду!» – и оставалась на месте.

За пышными кустами жимолости нашлась полянка с земляникой. Удержаться я не смогла, собрала несколько горстей красивых и ароматных ягод и всё съела. С земли, не помыв – ну а что? Вкуснотища необыкновенная, и приправа к ней самая лучшая – голод. Ещё бы не проголодаться, последний раз я ела ещё до рассвета.

– Майри, вы идёте? Или мне прийти к вам? – к зывающим к моей совести присоединился Дэбрэ, и я наконец оторвалась от лесного пиршества.

– Уже иду.

От самых тёмных и сладких ягод на руках остались красные пятна, и я могла лишь надеяться, что не измазала рот. Зеркала не было, убедиться, что всё в порядке, я не могла – ну и ладно. Волосы, одеваясь, я точно так же собрала – на ощупь, и подвязала в хвост, воспользовавшись косынкой. И в том случае, и в этом – с предположительно пятнистым лицом – решила: и так сойдёт.

Я шла по лесу, с лица не сходила улыбка. У меня руки пахли земляникой, а от свежего чистого воздуха кругом шла голова. Каждый шаг по земле ощущался как маленький праздник. Под подошвами ботинок приминались мох и трава, ломались сухие веточки, шуршала опавшая листва и хвоя – мои ноги исполняли для меня самую прекрасную в мире симфонию. Я могла бы идти так целую вечность, но, увы, вышла к грунтовой дороге и карете на ней разочаровывающе быстро.

Дэбрэ хмурился, поджидая меня, но, когда увидел, его взгляд потеплел – ну так, на полградуса, возможно, лишь в моём воображении.

– Теперь вы готовы отправляться? – спросил он сухо, и я кивнула. – Тогда прошу в карету, Майри.

Дэбрэ называл меня то просто Майри, то леди Майри – интересно, от чего зависел выбор обращения? Сейчас мне казалось, что «леди» из его речи исчезло из-за простой одежды на мне. Я выглядела как крестьянка, поэтому? Не знаю, но о том пышном платье я совсем не

жалела. Новое единственно оказалось длиной в пол, но в остальном – вполне удобным и по размеру, без кучи юбок слоями, а с одной лишь тонкой рубашкой.

День становился всё жарче, и в такую погоду даже представить себя в том многослойном платье-торте казалось пыткой. А ведь придворные дамы именно в таких и ходили – добровольно издевались над собой ради красоты. Я видела из лодки: они все там разоделись, будто не казнь собрались смотреть, а на бал – прихвастнуть нарядами и блестяшками.

Похоже, они все тут немного помешаны на одежде. Дэбрэ, кажется, было несколько неловко в своей. Ему тоже кое-что привезли из деревни, и он переоделся, пока я гуляла. Новый наряд был ну просто wow, обалденным. Дэбрэ очень шло, сразу делало его моложе, раскованней, легче.

Я бы поспорила на немалую сумму, что его помощник решил если не подшутить, то узнать, наконец, как начальник выглядит не в исключительно чёрном. И именно потому теперь Дэбрэ красовался в светло-серых брюках, светлой рубашке и щедро украшенном жилете жемчужно-серого цвета. Чёрные сапоги к наряду не подходили, но в остальном он выглядел wow.

Вот честно. Вряд ли единственная возможность добыть вещи для начальника – это ограбить запасы местного модника... Я наклонила голову к плечу. А что, забавная мысль, но ведь вполне может быть, что на Дэбрэ самая нарядная и красивая одежда какого-то крестьянина. А что это может быть? Ну конечно же костюм для свадьбы!

– Вы выглядите очень хорошо в светлом, – заметила я. – Чёрный всегда так строг и мрачен, а светлое придаёт беззаботность и лёгкость. Вам светлое очень к лицу. Когда вы в этой одежде, то видишь в первую очередь привлекательного мужчину, а не сурового дознавателя.

Дэбрэ даже не подумал улыбнуться – нахмурился ещё сильнее. В полном молчании, никак не отреагировав на комплимент, он помог мне забраться в карету. Повисшее между нами напряжение тревожило. Я всего лишь попыталась быть милой с ним, но, кажется, попала впросак, когда хотела совершенно иного. Всё же он единственной человек, который вызвался обо мне позаботиться, и я хотела наладить с ним отношения.

Даже худой мир лучше доброй ссоры. А мы не ссорились, ситуация поставила нас по разные стороны. Его мрачный вид мне не нравился. Я что, вновь нарушила правила поведения? Выскзалась неудачно, или женщины комплименты мужчинам тут не говорят?

Когда он занял своё место напротив, я сказала:

– Я чем-то обидела вас? Простите, я не хотела. Прошу, принимайте все мои слова за чистую монету, не ищите в них подвох или второе дно. Я искренне благодарна вам за спасение, за помощь, за одежду, которая на мне. Я действительно считаю, что светлое вам идёт, и имела в виду только это. Я бы хотела, чтобы вы перестали видеть во мне врага, и надеюсь, что мы будем свободно общаться, хочу заслужить вашу дружбу.

– Хотите видеть во мне друга, леди Майри?

Вот вроде простой вопрос, а тон у Дэбрэ такой и выражение лица, что прямо чувствуешь, как под ногами трещит лёд, и вот-вот рухнешь в ледяную воду. Я бы даже нарисовать эту эмоцию на его лице не смогла, так скудно она проявлялась. Но если постараться, присмотреться внимательно, то да, его чувство удалось бы заметить. Оно крылось в уголках глаз, изгибе губ, чуть приподнятой левой брови. Картину я бы назвала «Недопрезрение». Дэбрэ не хватало чуть-чуть до презрения и вспышки безобразного гнева.

Всего лишь интуиция, но я поверила ей. Почему-то показалось, что я стою у края пропасти. Некоторые линии лучше не переходить, даже если не знаешь, по каким причинам они существуют, и сомневаешься, не воображаемая ли опасность. Я постаралась вернуться на твёрдую почву – туда, где Дэбрэ всего лишь хмурился из-за задержки, а не злился из-за неудачного комплимента.

– Я не знаю, чем обидела вас. Простите меня, если можете. Если мы до моего ареста были знакомы, если я что-то плохое сделала вам – простите меня. Я не помню, в чём провинилась,

и были ли мы знакомы – не знаю. Для вас это звучит странно, наверное, но поверьте: я вчера словно заново родилась. Сегодня вы спасли меня. Из всех людей на свете мне знакомы только вы, принц Антуан, маркиз и несколько ваших людей, которых я помню в лицо. Больше никого. Из всех этих лиц вы, Дэбрэ, кажетесь мне лучшим человеком. Вы сделали для меня так много. Конечно же, я хочу вашей дружбы и покровительства...

Его лицо порозовело, будто он сдерживал гнев или смущение.

Как же с ним сложно. Я словно ходила по тонкому льду с завязанными глазами и в скользкой обуви.

– Если сейчас я неверно выразилась, то простите меня. Я всего лишь надеюсь на ваше хорошее отношение. Я попала в беду, не помню никого, не знаю, кем я была. Я не слишком хорошо помню правила этикета. Кажется, я нарушаю их одно за другим. Но услышите меня. Я ни на что не намекаю, говорю только прямо. Пожалуйста, Дэбрэ. Мне действительно нужна ваша помощь и дружба.

Он слушал молча, смотрел на меня, будто на врага. И чем тяжелей становился его взгляд, тем сильнее я подозревала, что мы не только преступница и дознаватель.

– Нас связывали личные отношения? Пожалуйста, ответьте мне. Не хотелось бы случайно ранить вас...

– Замолчите.

Карета тронулась. Я молчала, глядя в окно.

– Когда-то я уже допустил ошибку, – сказал Дэбрэ, и я повернула к нему голову. – Ваши слова казались столь же убедительными, искренними. Вы точно так же складывали руки и прижимали их к сердцу. Ваши глаза точно так же блестели, словно готовые пролиться слезами. Вы называли меня привлекательным мужчиной, единственным, на чью помощь вы могли положиться. Мое происхождение не пугало вас, ведь вы тоже родились в бедной семье. Вы искали моей дружбы с настойчивостью лисы, пытающейся пробраться в курятник.

– И что же случилось? – спросила я, когда поняла, что продолжения не последует.

– О своей неискренности вы очень, очень, очень, очень и очень пожалели. Не повторяйте своих ошибок. Я никогда не поверю вам. Даже если вы и правда не помните ничего, лиса остаётся лисой, даже когда меняет зимнюю шубу на рыжую летнюю.

Глава 11. Мечты-фантазии

Дэбрэ ясно дал понять, что я – ведьма. То есть уже не ведьма в их понимании, но в нашем – о, да. Злая женщина, окружившая и соблазнившая мужчину ради своих целей. Я спросила:

– Вы не хотите мне всё рассказать?

Ни отказ, ни его резкий тон меня не удивили, но и радости не добавили. Конечно, стоило бы всё разузнать о его отношениях с Майри, а с другой стороны, это как лезть в чужую переписку. Это их личное, не моё дело. Да и Дэбрэ не тот человек, у которого можно требовать подробности. Нет уж, не хочу с ним ещё и из-за этого ссориться, у меня не девять жизней в запасе.

Я ещё раз уверила его, что говорю искренне, и нарвалась на неприятную усмешку.

Как же жаль.

Дэбрэ, конечно, не образец рыцарского поведения... Хотя почему нет? Он спас меня. И вёл себя благородно. Другой бы выместил зло на враге, попавшем в его власть, да ещё и имея разрешение делать с ним всё, вплоть до сдирания кожи. Или он мог окончательно отомстить, всего лишь не став спасать – утопив меня в Лорнском источнике. И никто – я уверена в этом – ему бы ничего не сказал: одной ведьмой больше, одной меньше. А он накрывал мне ноги своим сюртуком и, позволь я, тащил бы на руках вверх по той жуткой лестнице.

Он находил моё поведение вызывающим. Он едва сдерживал гнев, а не смущался, когда я... Да не делала я ничего такого уж, чтобы видеть во мне непонятно кого. Не делала! Но он думал, что я его вновь соблазняю.

Интересно, у них с Майри дошло до постели?

Чёрт! Да не хочу я этого знать!

Да что тут знать. Он так трогательно охранял мою скромность, что нет сомнений – не было ничего. Он собирался вернуть семье непорочную деву, а вышел конфуз, и исключительно по моей вине. А также потому, что мой приёмный отец – герцог Как-его-там, вроде на «В» – человек с гнилым сердцем.

Дэбрэ может не захотеть общаться с женщиной, которая уже причинила ему боль. Если так – очень жаль, насильно мил не будешь. Он хороший человек, но – всё же – не единственный на земле.

Временами он мне нравился, и даже без всяких почти что, но я смогу прожить и без него.

В жизни Майри наверняка были и другие люди – родные, близкие, друзья и знакомые. Дэбрэ говорил, что все отвергли Майри, но сейчас-то я не преступница. И если кто-то отвернулся только из страха (или вопиющей глупости, как герцог Как-его-там), то бояться этим людям больше нечего. Друг познаётся в беде, но я не стану отказывать тем, кто захочет вернуться в жизнь Майри. Время всё расставит по местам, так всегда случается – нечего торопить его отказами и излишней категоричностью.

Когда попадаешь в сложную ситуацию, то каждый из окружения показывает себя. Никогда не узнаешь заранее, кто друг, а кто так, на поболтать за чашкой кофе. Хочется отказаться, больше вообще не видеть всех тех, кто не поспешил прийти на помощь, но нет, такой ошибки я больше не допущу. Отказывать всем, кто не на все сто идеальный человек – глупость. Иначе может оказаться, что и кофе будет не с кем попить.

Ну а если говорить о настоящих друзьях, то та девушка просила за меня у короля с королевой – скорее всего, в ней я найду того человека, на которого можно положиться. Ну а если нет, и никто вообще не захочет мне помогать, то остаются драгоценности – живые деньги, на которые можно снять или даже купить жильё. Скромный домик с хотя бы небольшим садом... Мечты-мечты. Ладно, там разберёмся. На семье герцога Как-его-там и Дэбрэ мир не заканчивается – нечего унывать.

Я смогу со всем справиться и сама, без чьей-либо помощи. Но помощь, конечно, не помешает. И терять Дэбрэ я не хочу. Я буду пытаться заслужить его доверие. Но если он раз за разом будет меня отвергать, со слезами на глазах за ним не побегу.

– Учитывая нашу историю, о которой я совершенно не помню, – осторожно сказала я, – вам, наверное, неприятно видеть меня и заботиться обо мне. Есть ли возможность перепоручить меня другому? Возможно, есть человек – мой друг или родственник, или, не знаю, учитель, который мог бы позаботиться обо мне...

Я бы ещё долго терзала наш слух многочисленными «наверное», «если бы» и «не знаю», но Дэбрэ прервал меня. Не думаю, что его преподаватель этикета был бы им доволен. С другой стороны, стараться не оскорбить – тот ещё квест, когда ты не можешь предположить реакцию на самые простые слова.

Ничего обидного я, кажется, не сказала, но он разозлился. Старался сдержаться, не показать гнев, но Дэбрэ, с его лицом-маской, не так уж сложно читать.

– Вы предполагаете, Майри, что я не смогу как следует позаботиться о вас? Или думаете, я воспользуюсь властью, которую даёт мне ваше незавидное положение?

Ох. А он умел загонять жертв в угол. Он заставил меня говорить «нет», «нет» и «нет», чтобы в итоге получить:

– Да, я согласна ехать с вами туда, куда вы скажете. Вы можете мне не доверять, но я вам доверяю.

Сколько в моих словах правды – не знаю. Он давил на меня, и хотелось вывернуться, ускользнуть из-под его тяжёлой руки. Если бы я была настоящей Майри, то, скорее всего, ни за что бы не приняла его помощь. Но меня толкали к нему не только обстоятельства, незнание мира, людей, но и любопытство. И тайны «моего» прошлого, и азарт – смогу ли изменить к себе отношение.

– Вот и отлично, – он откинулся на спинку сидения и скрестил руки на груди. – Может быть, поедим? Франк привёз из деревни не только одежду, но и корзинку с едой. Уверен, что вы проголодались. Земляника, конечно, вкусна и полезна, но вы не смогли бы насытиться ею, как бы ни старались.

Вот же! Значит, на моём лице всё-таки остались пятна от земляничного сока, и я вот такая – раскрасавица, да – сидела перед ним всё это время. А он моей невольной неловкостью наслаждался. Вот же му... мужчина мечты.

Еда оказалась отменной: пышные пироги и вкусный, несколько мутноватый напиток. Он назвал его квасом. Извинился за то, что мне приходится пить столь неблагородный напиток. Я покивала и подставила ещё кружку. Местный квас не походил на тот, оставшийся в прошлой жизни. Он был лёгким, ароматным, с приятной кислинкой.

– Мне всё нравится, перестаньте переживать.

– Я не переживаю.

– Ага. Это я так, выразилась неудачно. Будете ли вы шокированы, если я прилягу вот тут, на скамье? Насколько такое поведение непристойно?

– По десятибалльной шкале – примерно на восемь, – ответил Дэбрэ.

Я рассмеялась.

– Ого. Значит, мне ещё есть, куда падать. Спасибо, что не отговариваете меня.

Я лежала, смотрела на проплывающие в вышине кроны деревьев, облака, танец зелёного, синего, белого. Фрагмент окна многое увидеть не позволял, но мысль в голове крутилась всего одна: «Какая красота. Красота невозможная».

– Куда вы везёте меня? – спросила я, резко повернувшись, и застала Дэбрэ за разглядыванием. – Тот дом, о котором вы упоминали – он ваш?

– Да. Подарок короны. Это небольшой дом с садом. Там тихо, уединённо, там вы сможете прийти в себя, и мы решим, что делать дальше. Мой статус не позволит трактовать ваше пребывание у меня как нечто непозволительное. Мы даже оформим бумаги.

– М-да? И о чём же они?

Он смотрел на меня с таким странным выражением, которого я ещё не видела у него. Так кот смотрит на мышь... Хотя нет, всё же нет, не так однозначно. Но я явно видела в нём предвкушение. Дэбрэ хотел мне помочь так же сильно, как я хотела принять его помощь – но если, конечно, она придётся мне по душе.

– Вы будете моей заключённой. Под домашним арестом. Тогда никто не посмеет осудить вас за жизнь в моём доме. Никто никогда не задаст лишних вопросов.

– А какая причина моего заключения? Я думала, что свободна. Лорнский источник ведь уже доказал, что я не ведьма.

– Но вы ею были – это несомненно. Должны же мы узнать, как вам удалось меня обмануть. Я приподнялась на одном локте.

– Вы опять за своё?

– За своё, – ответил он резко. Его лицо... Хм.

Я вновь легла. Улыбнулась, глядя на кусочек синего неба, а затем закрыла глаза. Мысленно я рисовала его лицо, и в его выражении никто бы не обманулся – там жило неравнодушное, даже страсть. Он так хотел доказать свою правоту? Сомневаюсь.

– А вы не пострадали, Дэбрэ, спасая меня?

– Что вы имеете в виду, Майри?

– Ваша репутация не пострадает?

– Моя?

Он так комично изумился, что я рассмеялась.

– Сначала вы доказали, что я – ведьма. Затем источник и я вас опровергли. Вас не ждёт наказание за плохо выполненную работу?

– Ах, вы об этом. – Дэбрэ недолго молчал. – Раньше уже такое случалось. Вы не первая, леди Майри, кто избежал наказания за совершённое преступление.

– Тогда почему вы так удивились? – я спрашивала, не открывая глаз.

– Такого не случалось уже лет двадцать, наверное. А до того – да, бывало. Потому ведьм не казнят, как других, отсечением головы, а отдают божественному провидению.

– А те, другие, что были до меня, они что говорили?

– Им не так повезло, как вам. Их поразило безумие.

– Да? – я затаила дыхание. – А во мне вы не видите подобных следов?

На Дэбрэ я не смотрела. Старалась выглядеть сонной, беспечной.

– Ну, вы ведь не рассказываете мне про другие миры, где повозки двигаются без лошадей, а по небу летают железные птицы – возят людей. Или вы хотели бы поделиться со мной такими рассказами?

– Думаю, я воздержусь от столь нелепых фантазий. Лучше расскажите мне ещё про дом и сад. Кто в нём живёт?

– Только я и прислуга.

Вот и хорошо. Значит, у меня будет много времени для изучения этого мира.

А пока, Майя, помни: будь очень осторожной, своих тайн никому не доверяй. Ты ничего не помнишь, не знаешь и даже не догадываешься. Ты, Майя – потерявшая память Майри, а квас, кстати – очень коварный напиток.

Глава 12. Вопросы этикета

Мы, кажется, уже какое-то время стояли – навевающее сонное настроение покачивание прекратилось. Умиротворяющий стук копыт и поскрипывание кареты тоже стихли, и разбудила меня, похоже, полная тишина. Мне ничего не снилось, и вспомнила я обо всём случившемся сразу. Глаза не спешила открывать. Сначала прислушалась, но не услышала ничего, даже звука чужого дыхания.

Неудивительно: Дэбрэ ушёл. Но оставил мне кое-что, что сразу же заставило о нём вспомнить. Под головой я нашла несколько раз свёрнутый жилет – тот самый, часть крестьянского свадебного наряда. Судя по тому, как он измялся на местах сгибов, подушкой ему пришлось служить немалое время. Я расправила ткань, погладила искусную вышивку. Какая красивая вещь. Всего лишь моя догадка, но хотелось верить, что за этой красотой скрывается прекрасная история любви.

Затем я представила, как Дэбрэ снимает жилет, сворачивает, подкладывает мне под голову – и невольная улыбка тронула губы. Небольшое проявление заботы, не великий подвиг, а всего лишь красивый жест, но ведь уже далеко не первый от него по отношению ко мне.

И да, я замечала его галантность. Ещё бы.

Какая женщина осталась бы равнодушной к подобным поступкам мужчины? О, я могла ответить: страстно влюблённая в другого, счастливо замужняя или не видящая в себе женщину по любой из причин: неподходящий возраст, болезнь, душевная травма.

Ничего из названного мне больше не подходило, и я никак не могла уговорить себя быть равнодушной. Напоминала себе, что он опасный человек и между нами стоит прошлое Майри. Что бы ни говорила себе, а жилет, ставший на время подушкой, всё не выходил у меня из головы.

Доброта всегда привлекательна, так что думать в таком ключе о Дэбрэ лишний раз не стоило. Так им и увлечься недолго.

Во влюблённости ничего плохого нет. Но не для меня. Не сейчас, не время мне увлекаться. Стою всего одной ногой в этом мире, не знаю о нём ничего. О нём – это и о мире, и о мужчине, который, несомненно, заслуживает внимания, но и опасен.

Для меня Дэбрэ очевидно опасен. Есть вероятность, что он понимает, что делает, что делает так специально, приручая меня мало-помалу – этаким волк в овечьей шкуре. Дознаватель в крестьянском свадебном костюме – а что, очень похоже.

Я вздохнула и отложила свёрнутый жилет в сторону – к пледу, которым накрыл меня, понятно, тоже Дэбрэ.

Нет-нет, с ним мне всегда надо быть настороже. Не очаровываться, чтобы потом не разочароваться. Узнать больше, а не прыгать в омут с головой.

В прошлой жизни у меня не было ни одного шанса на счастье. Даже если кто-то захотел бы разделить со мной одиночество, то я бы его прогнала. В Франкенштейнов не влюбляются, их используют. О любви я могла только мечтать и мечтала, читая запоем романы. Они уносили меня в другие миры, где не было ни следов катастрофы, ни боли. Я никогда не фантазировала всерьёз о побеге в подобный мир, но это случилось. И в первый же день здесь я встретила вот такого мужчину – мечту. Ну, почти. Не милого принца, а сурового дознавателя.

Постараюсь лишний раз не думать о нём – так и выскользну из ловушки, в которую загоняет меня он (что лишь возможно), или это делаю я сама (кто б сомневался).

Наступили сумерки, солнце уже село. Снаружи в карету всё ещё проникал серый свет уходящего дня, но темнело быстро.

Мы находились в крепости, стояли там же, где и ранним утром. На мне больше не было кандалов и цепей, и в тюрьму меня никто волоком не тащил – в общем, не зря я Дэбрэ дове-

рилась, имела право себя похвалить. Всё же немного научилась читать людей: он неплохой человек, излишне властный, правда, но его обещаниям, кажется, можно верить.

Поймала себя на мысли, что вновь думаю о Дэбрэ, и усмехнулась. Быстро же я выбросила из головы обещания не думать о нём.

Он вскоре вернулся, держа в руке небольшой фонарь. К моему разочарованию, он переоделся и, разумеется, в чёрное. Я же осталась в крестьянском платье и всё, что успела, пока ждала, – расчесала волосы и заново их подвязала косынкой.

Дэбрэ предложил мне посетить крепость – совсем ненадолго. Я отказалась. Он вновь повторил приглашение, но я сказала: «Нет-нет-нет, что вы, я ни за что не вернусь туда!» – и только потом, когда карета тронулась, когда выехали за ворота, поняла, что он, наверное, таким способом предлагал мне сходить в туалет. Очень вовремя поняла, м-да, но момент оказался упущен. Сказать повернуть назад я не могла, так что следовало набраться терпения.

– Нам долго ехать? – спросила я. Коварный квас как раз решил напомнить о моей несдержанности за обедом.

– Меньше часа.

Я побарабанила пальцами по колену. Меньше часа я точно могла потерпеть. Просить остановить сейчас карету – м-м, нет! Не хотелось позориться перед ним. И хотелось сделать рука-лицо с самой себя. Открыть рот и попросить остановиться ненадолго я так и не смогла. И это после всех размышлений о том, что о Дэбрэ мне следует думать поменьше.

Кстати, о нём. Дэбрэ в свадебном наряде и Дэбрэ в чёрном походили друг на друга, как ангел и демон. У Дэбрэ в застёгнутом на все пуговицы строгом сюртуке даже взгляд стал тяжелее и опаснее. Очаровываться им таким хотелось в разы меньше – хоть одно хорошо.

Мы ехали в молчании, и время ужасно тянулось. Обещанный дом с садом, кажется, не приближался, а отдалялся от нас. Что-то с этим следовало сделать.

– В вашем доме, он, вы сказали, скромный, совсем небольшой, для меня найдётся отдельная комната?

Дэбрэ сдавленно кашлянул.

– Я не хотела вас оскорбить, – тотчас сказала я, – но почему-то волнуюсь. – Потёрла кожу чуть ниже ключиц. – Как-то мне не по себе.

Внутри и правда стремительно разгоралось ощущение, что я допускаю ошибку – интуиция проснулась в самый неподходящий момент. А до того что делала? Видно, крепко спала вместе с сообразительностью и квасом.

– У вас будет своя комната, но без личной горничной вам придётся обойтись, – сказал Дэбрэ. – Это скромный дом, и всё хозяйство ведёт экономка. Софи со мной много лет, она женщина уважаемая, добросердечная, она поможет вам во всём – в том числе и как горничная. Обижать её я вам запрещаю.

– Вы считаете, я стала бы её обижать?

Он не ответил, но его молчание показалось мне весьма красноречивым. Эта Майри что, ни в чём не могла повести себя как нормальный человек? Везде и во всём надо было показать себя ведьмой?

– Я буду вести себя мило с госпожой Софи, – пообещала я, и Дэбрэ приподнял брови.

– Собираетесь называть Софи госпожой?

Чёрт. И снова впросак. А я ведь старалась! Но не сдаваться же из-за того, что я не знала элементарных вещей.

– Разве такое обращение может кого-то обидеть?

– Софи, разумеется, нет. Думаю, она будет польщена. А вот я – да, меня ваша избирательная вежливость, несомненно, оскорбит и обидит.

Что?

Дэбрэ ответил на произнесённый вопрос:

– Всё это время вы зовёте меня по фамилии, не упоминая титул, ни называя даже господином. Ваша вежливость будет распространяться только на экономок и принцев, мне её никак не заслужить?

Чёрт-чёрт-чёрт.

– Простите. Вас так назвал принц и... Сожалею, но я даже не подумала, что должна обращаться к вам иначе.

– Дознаватель Дэбрэ. Я помню, как вы меня называли. Хоть от этого отказались, уже спасибо.

Кажется, я не просто попала впросак, а целые сутки топталась по чужим больным мозолям. Ну молодец, ну вот просто... Но он тоже хорош!

– А вы не могли сделать мне замечание раньше? Буду откровенной: я думала, что Дэбрэ – это имя. Как принц Антуан, только, – я кашлянула и потёрла горло, – не принц.

Уж конечно, не принц! Дэбрэ же сказал, что родился в бедной семье.

– Виконт Дэбрэ. Виконт Дамиан Дэбрэ.

– Но принц называл вас по фамилии...

– ...как прислугу, всё верно. Чтобы указать на моё низкое происхождение. Титул мне пожалован королём. Некоторые люди, такие как принц Антуан, не могут удержаться от желания подчеркнуть разницу между лордами с родословной и дерзкими выскочками.

– А вы не можете удержаться от желания поставить их с их желаниями на место, – сказала я. Ой, зря. Ну вот зачем?

Дэбрэ усмехнулся.

– А вы неплохо изучили меня.

Он не разозлился. Отлично.

– Я была потрясена тем, как вы спорили с принцем, виконт. Я бы даже сказала, грубили ему. Вы явно показали ему, что считаете вас равными. И никто с этим фактом не спорил.

Дэбрэ скрестил руки на груди, улыбнулся уголками губ, но глаза остались холодными.

– Вы быстро учитесь. Сообразительны. Используете и свою красоту, и ум, и бойкий язык, чтобы свести мужчину с ума. Вы смотрите на меня с таким восхищением на лице, с блеском в глазах, что, даже зная вас, вам хочется верить.

О чёрт. Он делает это снова!

– Я всего лишь хочу быть милой с вами, виконт Дэбрэ. Хочу вашей дружбы. Я ведь уже говорила.

– Поверьте, я это понял. Вы и правда весьма милы. Если захотите быть ещё милее, то называйте меня Дамиан.

Я наклонила голову к плечу, разглядывая его со всем вниманием. И знаете, что видела – захлопнувшуюся ракушку, которую даже ножом не раскроешь. Руки себе испоганишь, собственной кровью обольёшься – и это всё, что получишь в итоге.

Так и хотелось спросить: в моих обстоятельствах насколько по десятибалльной шкале непристойно называть мужчину, в доме которого я буду жить в качестве заключённой, только по имени? И что-то подсказывало: на одиннадцать – самое малое.

– Всё это время вы называли меня по имени. Майри – я слышала от вас много раз. И очень редко вы называли меня леди.

– Когда-то мы с вами были настолько дружны, что вы просили меня быть вашим самым близким другом и разрешили, даже настаивали на том, чтобы я называл вас только по имени.

Он так улыбнулся, что даже мне – Майе, не Майри – захотелось его ударить.

– Майри, – произнёс он тягуче.

Как имя может звучать оскорбительно? Ему удалось.

– Думаю, так как я не помню наше с вами общение, нам следует вернуться к общепринятым правилам. Я отзываю своё разрешение. Называйте меня так, как велит вам ваша совесть и воспитание, виконт Дамиан.

Я даже не поняла, почему карета остановилась.

– Мы прибыли, леди Майри, – сказал Дэбрэ.

Я выглянула из окна кареты. И вот это он называл скромным домом с садом? Вот уж правда, мужчина мечты, виконт Дамиан.

Глава 13. Милый дом

В свете встающей луны двухэтажный белый особняк показался мне менее всего напоминающим скромный домик. Я насчитала по пять рядов окон влево и вправо от главного входа с колоннами, занимающего не менее трети фасада. Ведущую к высоким резным дверям каменную лестницу украшали скульптуры, держащие светильники, вход был ярко освещён.

Дом не показался мне новым. На первый взгляд он выглядел родовым гнездом старинного аристократического семейства. Поднявшись по лестнице, я всё ждала увидеть дворецкого в ливрее, встречающего нас, но нет, Дэбрэ сам открыл передо мной дверь.

Часть холла занимала парадная лестница. Яркий свет лил из фантастически красивой люстры. Картины на стенах, скульптуры, напольные вазы и живые цветы в них – всё тут очаровывало с первого взгляда.

Я была настолько потрясена этим «скромным домиком», что у меня разбежались глаза. Хотелось поскорей рассмотреть и то, и это. Я настолько увлеклась, что не сразу заметила женщину, встречающую нас. Она скромно стояла в дверях слева от лестницы и, по всей видимости, ожидала, чтобы поприветствовать нас.

Дэбрэ опередил нас обеих.

– Вот леди Майри, матушка Софи. Какое-то время она будет жить с нами. Я вручаю её вашим заботам. Покидать пределы поместья ей запрещено.

Женщина не задала ни одного вопроса, не проявила ни малейшего удивления. Тихим спокойным голосом она ответила, что ей всё понятно, и приказания господина будут исполнены.

Софи носила длинное серое платье в пол и белый передник. Её невысокая фигура отличалась пышностью, но не чрезмерной, тёмные волосы были убраны в высокий пучок. Ей можно было дать и сорок с хвостиком лет, и пятьдесят с небольшим, и, немного посомневавшись, шестьдесят тоже. Прожитые годы не оставили заметных следов на её лице, карие глаза казались живыми и ясными. С её хорошей кожей и здоровым румянцем ей бы сниматься в рекламе чудодейственных кремов для омоложения.

В целом, на первый взгляд, Софи выглядела спокойной и милой, и я понадеялась, что смогу найти с ней общий язык.

– Госпожа Софи. – Я наклонила голову, изображая короткий поклон.

Как же всё сложно с этими реверансами, но логика подсказывала, что проявленной вежливости более чем достаточно. Я ведь не на приёме у королевы. Хотя, возможно, создать благоприятное впечатление о себе здесь не менее важно. Обращение «матушка», выбранное Дэбрэ, намекало, что хозяина и служанку связывает общее прошлое, а значит, Софи может оказать на мою жизнь влияние даже большее, чем королева.

– Леди Майри. – Женщина тоже слегка поклонилась. Она явно узнала меня, но никак не показала, что её радует наша встреча.

Мне следовало сделать первый шаг для сближения. Я собиралась жить в этом доме, и помириться с его домоправительницей стояло пунктом номер один в моём недлинном списке дел на сегодня.

– Возможно, мы встречались прежде, – сказала я. – К сожалению, я этого не помню, хочу сразу пояснить. Простите, если я что-то плохое прежде сделала вам. И прошу не судить меня по прошлым поступкам. Дайте мне шанс создать новое впечатление о себе. И заранее простите, если я нарушу несколько правил. К сожалению, я не помню и о них тоже. Могу ли рассчитывать на ваше понимание и доброту, госпожа Софи?

Разумеется, я могла. После такой речи воспитанный человек не может ответить иначе, чем согласиться со всем услышанным. Софи меня ни в чём не разочаровала, ответила ровно

так, как я и ожидала. Но выражение её лица не изменилось. Как я ни вглядывалась, мне никак не удавалось понять, что она в действительности обо всём этом думает. Как и Дэбрэ, Софи умела быть закрытой ракушкой.

Затем речь зашла о другом. Софи сказала:

– Посыльный обогнал вас всего лишь на час-полтора, я не успела приготовить всё, что может потребоваться молодой леди, но гостевая спальня готова. И ужин тоже. Всё накрыто в столовой, молодой господин.

– Мне нужно умыться с дороги, – поторопилась сказать я. – Боюсь, я выгляжу не лучшим образом. Мне нужно сделать хоть что-то, прежде чем садиться за стол.

– Конечно, молодая госпожа. Разрешите, я провожу вас в вашу комнату.

И в уборную. Ну наконец-то.

Скажу честно, ни путь к своей комнате, ни её саму я не разглядывала – бегом побежала туда, куда Софи мне указала. Организм требовал о себе позаботиться, и я была счастлива, что его терпение не лопнуло в самый последний момент. Только затем я смогла осмотреться. Фух. Как же всё-таки людям мало надо для счастья.

Унитазы у них, кстати, походили на современные, из кранов текла вода – и горячая тоже. В крепости те же помещения оснащались намного скромней – фаянсовой чашей в полу, а вода из кранов текла только холодная. Здесь же меня ждала незабытая роскошь – приличная сантехника и горячая вода – единственное, о чём бы я точно безмерно скучала.

Удивительно? Да. Но я не из тех, кто смотрит в зубы дареному коню. Этот мир будто создали для меня, и я чуть ли не пела от счастья, разглядывая ванную комнату. Стоящая на красивых гнутых ножках ванна ослепительно белого цвета обещала, что я смогу помыться по-настоящему. Флакончики с цветным содержимым пахли чудесно, среди них точно найдётся шампунь. А то и пена для ванны.

Я представила, как лежу в тёплой воде, поднимаю ногу вверх, поверх пены, шевелю пальцами – да я об этом пять лет мечтала, сотни раз видела во сне.

– Госпожа, вам нужна помощь? – Софи деликатно постучала в дверь.

– Нет-нет. Хотя, вернее, да. – Я подошла к двери, распахнула её, – Покажите мне, пожалуйста, где тут шампунь, а где мыло. И полотенца. А ещё, – я огляделась кругом, – а где тут зеркало?

– Зеркало в ванной комнате? – с явным удивлением спросила Софи, последовав в ванную за мной.

– Зеркало вообще. Где оно?

– В комнате, разумеется, возле платяного шкафа. И ещё одно у туалетного столика.

– Хорошо, – я счастливо вздохнула. – Спасибо.

Тут было всё необходимое для жизни, и я уже начинала чувствовать себя человеком, а не обломком кораблекрушения.

Софи показала мне всё, о чём я просила, а также где лежат полотенца, где гребни и прочее. В шкафу ванной комнаты на плечиках висела одинокая ночная сорочка и белый тёплый халат. Я представила, как надену их после горячей ванны – ах. Я хотела этого так сильно. Простые мелочи, даже мысли о них делали меня абсолютно счастливой.

– Думаю, вам стоит принять ванну после ужина, госпожа. Еда остынет и станет невкусной. Софи что, мысли читала?

Я повернулась к ней с улыбкой.

– Я быстренько. Помыться мне нужно больше еды.

Софи мило улыбнулась.

– Возможно, и так, госпожа. Но я даю вам всего пять минут, чтобы умыться и переодеться к ужину.

Моей улыбки как не бывало. Это что же, она мне угрожала?

Софи сказала:

– Там, в холле, вы повели себя правильно. Ваши извинения запоздали, но хорошо, что вы произнесли их сразу, и мне не пришлось их из вас выбивать.

– Выбивать?

Ничего себе. Ну и слова выбирает эта милая дама.

– Давайте я вам кое-что объясню. – Софи не меняла тон, выглядела милой, как и прежде, и тем поразительней казались её слова. – Вы заключённая, я – ваша надзирательница. Если вы ведёте себя хорошо, то мы довольны друг другом. Если же вы нарушаете правила, то я вас наказываю.

Та-ак, ладно. Я подумаю об этом позже. Покричу и позлюсь позже. А пока...

– А каковы правила?

– Оно всего одно. Вы легко его запомните, госпожа. Интересы виконта Дэбрэ всегда стоят на первом месте. Доволен молодой господин – довольна вами и я.

– И чем же сейчас он может быть недоволен? – спокойно спросила я.

– Длительным ожиданием. Я приготовила для вас платье к ужину. Оно лежит в комнате, на кровати. Помочь вам переодеться?

– Нет, благодарю, я сама.

– Спасибо. – Софи поклонилась. – Я надеялась, что вы именно так и ответите. Думаю, вы и правда несколько изменились со времени нашей последней встречи. Не скрою, я надеялась больше никогда не видеть вас, госпожа, однако, божественное провидение решило иначе, и вы вернулись в наш дом.

Она говорила о Майри, но даже мне слушать всё это было до крайности неприятно.

– Для вас будет хорошо, если вы не притворяетесь, леди Майри. В любом случае хочу вас сразу предупредить.

Она замолчала, и мне пришлось спросить:

– И о чём же?

– Один раз вы Дамиана уже обманули. Второго раза не будет. Если вы вздумаете вновь его уничтожить, то вас не станет, – Софи щёлкнула пальцами. – Вот так.

Она приблизилась ко мне, поднялась на цыпочки, чтобы прошептать на ухо:

– Навредите ему, и я вас сама убью.

Отстранившись на шаг, она изобразила лёгкий поклон.

– Я могу идти, госпожа? Или вам всё-таки нужна моя помощь?

Нет, после таких заявлений – никогда не нужна. Софи улыбнулась. Она, как настоящая ведьма, видно, мысли читала. А может, они большими буквами были написаны у меня на лице.

Глава 14. Новая жизнь

Всё оказалось не так плохо, как я предполагала, пусть и не так хорошо, как я надеялась. Софи больше не повторяла шокирующих заявлений, но и я не давала ей поводов. Она внимательно посматривала на меня, так же поступал и Дэбрэ – они оба ждали от меня... не знаю, взрыва? Что я как-то выдам в себе Майри?

Не дождутся.

К столу я вышла в том платье, которое весь день было на мне. В новое не стала переодеваться.

– Простите мне мой вид, виконт. Не хотела заставлять вас ждать, а переодеваться сейчас – выше моих сил.

Он приподнял брови, я усмехнулась. Мы оба знали, что я выпалась в дороге, но, если вспомнить, каким тяжёлым выдался для меня весь этот день и предыдущая ночь – я имела право говорить об усталости, даже если её не чувствовала.

Я не надела платье потому, что не разобралась в белье. А разобравшись, решила, что нет, игры в садо-мазо не для меня. Ну, по возможности, разумеется. Конечно, когда-нибудь обстоятельства заставят меня надеть корсет, да и потренироваться носить его будет нелишним, но пока, только увидев этот плотный, жёсткий кошмар, я решила без промедления стать большой любительницей крестьянских платьев. Ладно ещё выезжать в этом пыточном приспособлении в свет, но носить такое дома – увольте.

Я умылась, распустила волосы и расчесала их. Выглядела, кстати, на миллион. Я наконец добралась до зеркала и увидела в нём собственное лицо, такое, каким оно должно было стать в моём возрасте. Я помнила себя примерно такой же, может, с более пухлыми щеками. Повзрослевшее на пять лет лицо похудело и стало намного интересней. Глаза казались больше, губы – ярче, как будто поспели. Я всё ещё не могла поверить, что девушка в отражении – я. Привыкла видеть сожжённую кожу, ужасные шрамы и навсегда перекошенные черты. Но в отражении я видела себя. Не кого-то другого – себя. Настоящую Майю Белохвостикову, только правильную, здоровую и такую красивую.

Странно, ведь раньше в этом теле – несомненно, моём – жила Майри. Но обсуждать странности перемещения между мирами мне было не с кем. Не с Дэбрэ же. А то мало ли, с его любовью к закону и порядку после таких бесед можно поутру проснуться в психушке.

– Вы за что-то на меня злы? – спросил Дэбрэ. А Софи, взявшая на себя труд наполнить наши тарелки источающей божественные ароматы едой, подняла на меня укоряющий взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.